Проклятый ректор

Автор:
Лена Летняя

Проклятый ректор

Лена Летняя

Академии за Занавесью #3

Мне оставалось отучиться год. Один год – и я могла получить свободу и независимость, о которых мечтала с детства. Однако внезапная и очень подозрительная смерть матери перевернула мой мир. Она оставила после себя множество вопросов, а единственный шанс найти ответы – отправиться в самый элитарный университет Республики. Я думала, что снобизм новых сокурсников станет главной моей проблемой, но ошиблась. Ответы, которые я ищу, могут стоить мне жизни, а меня почему-то теперь больше заботит жизнь местного ректора, над которым висит проклятие.

Лена Летняя

Проклятый ректор

Глава 1

Звонкая пощечина обожгла щеку и отозвалась знакомым жаром в груди, но мои глаза остались сухи. Только гневно сверкнули на отца, которого практически трясло от злости. Не то чтобы мне не было больно, обидно или страшно. Крутой нрав отца приводил меня в трепет с самого детства, но даже в детстве я никогда не плакала. Говорят, я не делала этого даже в младенчестве. Орать,

конечно, орала, как все новорожденные, но слез никогда не было. И на недавних похоронах матери, на которых я едва не задохнулась от отчаяния, тяжелым камнем придавившим грудь, мои глаза не проронили ни одной слезинки. Сейчас огонь вспыхнул где-то на уровне солнечного сплетения, но глаза даже не увлажнились.

– Я не выйду за него замуж, – чеканя каждое слово, отрезала я, держась за покрасневшую щеку и обхватив себя другой рукой, словно закрываясь от отца. – Мне плевать, что он твой друг и сосед. Я тебе не корова, которой можно распоряжаться по своему усмотрению. Я твоя дочь!

Мы вели этот разговор уже не первый раз. Пятый, если говорить точно. За пять дней, прошедших со смерти мамы, мы говорили об этом уже пятый раз. И с каждым разговором отец становился все настойчивее, а его слова – все резче. Но ударил он меня впервые. За эту неделю.

– Не льсти себе, Тара, – процедил отец, тяжело дыша. Его взгляд жалил гораздо больнее пощечины. – Твоя мать притащила тебя из Лекса. Я всю жизнь терпел твое присутствие только ради нее. И теперь ты либо выйдешь замуж за достойного человека, который пожелал тебя, уродку, либо можешь убираться на все четыре стороны и отныне обеспечивать себя сама. Видеть тебя в своем доме я больше не хочу.

Сказал – как чашку кипятка в лицо выплеснул. Я стояла посреди гостиной нашего небольшого, но благодаря стараниям мамы всегда уютного дома, и смотрела на него широко распахнутыми глазами. В детстве у меня часто возникало подозрение, что он меня не любит и даже с трудом терпит, но маме всегда удавалось убедить меня, что это не так.

– Он же заботится о тебе, – говорила она. – Как и обо мне. Это и есть любовь.

Я верила, потому что никакой другой любви не знала и не видела. Но вот мамы не стало – и исчезла даже такая любовь. После этих слов стало понятно почему. Он действительно никогда не любил меня, только, видимо, маму. Достаточно сильно, чтобы терпеть в своем доме побочного ребенка, но недостаточно, чтобы полюбить и его.

Отец развернулся и ушел в свой кабинет, а я еще с минуту растерянно стояла посреди комнаты, захлебываясь обидой, миллионом вопросов и страхом перед будущим, которое внезапно стало таким зыбким. Еще вчера я думала, что настойчивое желание выдать меня замуж – это просто реакция отца на горе. Мне казалось, что если я как следует объясню, почему не хочу выходить замуж за нашего соседа, который в сущности был хорошим человеком, он поймет и не станет настаивать. Теперь же я поняла, что давно ему мешаю, если не сказать – раздражаю. Он не отступится, скорее, действительно выгонит меня из дома.

Когда первое оцепенение прошло, я почти бегом кинулась наверх, в свою комнату. Достала из шкафа сумку и принялась складывать в нее вещи, уменьшая каждую, чтобы экономить место и вес. Магический поток из-за всплеска эмоций подчинялся плохо, приходилось плотно сжимать в кулаке маленькую подвеску – серебряный медальон, служивший мне фокусирующим артефактом, – направляя поток в заклятия. Словно я снова была маленькой девочкой, едва научившейся пользоваться магией.

К счастью, большая часть моих вещей давно перекочевала в Орту, где я училась уже третий год, а дома оставались только те, которые я носила редко. В письменном столе, в небольшом ящике за дверцей с магическим замком, и вовсе хранилась только шкатулка с небольшим количеством драгоценностей, которые мама начала дарить мне на дни рождения лет с пятнадцати. К неполным двадцати накопилась пара сережек, колечко да браслет. Шкатулка, которую мама вручила мне как первый подарок, явно была рассчитана на большее количество содержимого. Я схватила ее и засунула в сумку, не уменьшая. И тут же услышала грохот, словно на пол упало что-то тяжелое, но невидимое. Я пошарила рукой по полу и действительно наткнулась на невидимый предмет. После применения заклятия проявления оказалось, что я держу в руках еще одну шкатулку.

Эта новая шкатулка выглядела куда красивее той, что хранила мои украшения. И была немного больше. Поверхность крышки украшал витиеватый узор, сложенный из тонких серебряных нитей. Он изображал морское дно, местами общую картину дополняли крошечные ракушки и камешки. Нити сплетались в волны, водоросли и разнообразных рыбок, а по центру превращались в изящную русалку. Я коснулась пальцами узора, пробежала по шершавой поверхности ракушек, думая о том, что никогда в жизни не видела моря, но всегда хотела на него посмотреть. Мама об этом знала. Может быть, эта шкатулка – заранее заготовленный подарок на двадцатилетие? Оно только в апреле, а сейчас

подходил к концу январь, но мама могла готовиться к моему совершеннолетию заранее.

Шкатулка была тяжелой сама по себе, но и внутри что-то лежало: содержимое громыхнуло, когда она упала. Я попыталась поднять крышку, но та не поддалась. Ни одно известное отпирающее заклятие не помогло, поэтому я в недоумении уставилась на шкатулку. Она закрыта до моего дня рождения? Или мама наложила какое-то сложное заклятие, которое теперь никто и никогда не сможет снять? Это подарок или какая-то тайна? Учитывая странные обстоятельства ее смерти, я легко могла поверить и в первое, и во второе.

Внизу громко хлопнула дверь. Видимо, отец все еще злился и не мог усидеть на месте. Я торопливо засунула вторую шкатулку в сумку и, выпрямившись, огляделась по сторонам. Забрать с собой всю комнату я не могла, даже понимая, что, возможно, никогда сюда не вернусь. Я взяла с полки еще пару любимых книг, уменьшила их и положила в сумку к остальным вещам.

Горечь снова зажгла огонь в груди. В каком-то смысле я любила этот дом, ведь другого у меня не было. Я не знала другой жизни, и все мои воспоминания, счастливые и не очень, связаны с фермой отца… то есть человека, которого я считала своим отцом. Все рухнуло слишком стремительно: еще неделю назад я писала маме письмо, делилась планами на каникулы, спрашивала, не будет ли отец против, если мы с ней пару дней проведем в Аларии – столице Второй Республики – в честь окончания мною третьего курса Орты. И вот теперь у меня нет ни матери, ни даже отца. И единственный человек, которому я нужна, – это наш сосед, который хочет на мне жениться. И как бы он ни был мне симпатичен раньше, как друг семьи, меня не тянуло в неполные двадцать лет выходить замуж за фермера – ровесника моих родителей.

Плохо было то, что третий курс учебы в Орте заканчивался всего через месяц. Оставалось отучиться неделю да сдать экзамены. А за четвертый год отец – то есть, муж мамы – может и не захотеть теперь платить. Да и до совершеннолетия мне еще несколько месяцев. Пусть выдавать дочерей замуж насильно в магическом мире было уже не принято, но определенное давление он все равно мог оказывать. Мне нужно было решить, что теперь со всем этим делать.

Я шагнула к двери комнаты, но на секунду задержалась у большого зеркала в пол, стоявшего у выхода, поймав в нем свое отражение. Конечно, назвав меня «уродкой» отец немного преувеличил. Я была достаточно хороша, чтобы мною

соблазнился одинокий фермер сорока с небольшим лет: нормально сложена, хоть и худощава из-за тонкой кости, немного выше среднего роста, светлокожая, голубоглазая, с длинными светлыми волосами. Я знала, что многим мужчинам нравится подобная внешность.

Но увидев в отражении по-прежнему совершенно сухие глаза на бледном, слегка осунувшемся лице, я подумала, что в чем-то действительно «уродка». Неумение плакать определенно было ненормальным. И, наверное, пугало людей, которые знали об этом. На похоронах я ловила на себе неодобрительные взгляды соседей и друзей семьи, которые наверняка считали, что мне просто нет дела до смерти мамы.

Я тряхнула головой и решительно потянула на себя дверь. Надо как можно незаметнее покинуть отчий дом и поскорее вернуться в Орту. До конца триместра у меня еще есть немного времени подумать и решить, что делать.

* * *

Тот день, когда я покинула отчий дом, как мне казалось, навсегда, я почти не помню. Наверное, я что-то делала, что-то учила – ведь из-за похорон я пропустила почти неделю учебы, а мне надо было готовиться к сессии, но все мои мысли крутились вокруг слов, которые мне сказал… ну да, мой отец. Поскольку другого у меня не было, а того я привыкла считать родным, я решила, что так и буду его называть.

Я не понимала, как мама могла учиться в Лексе? Это самый древний университет в нашем мире. Его основал один из трех последних великих королей – Норд Сорроу. Еще пять веков назад последний правитель королевства Рейвен открыл в своей стране первую школу для обучения разным наукам и магии, до этого дети все постигали дома. Даже тогда Лекс предназначался исключительно для обучения знати. В него ехали из разных стран, но принимались только отпрыски знатных, древних родов. Конечно, туда могли принять и кого-то по протекции при условии соответствующей оплаты, но такие случаи были редки.

Прошло пять веков, Лекс из школы превратился в университет, но критерии отбора учеников почти не поменялись: туда по-прежнему брали исключительно богатых и знатных, представителей современной политической, деловой, магической и творческой элиты и потомков древних родов. Могла ли мама быть

из подобной семьи? Я была вынуждена признать, что теоретически возможно все.

Я очень мало знала о маме, кроме того, что видела каждый день. Она никогда не говорила о прошлом или о своей семье, о родителях. С самого детства я принимала это как непреложный факт, и мне в голову не приходило задавать какие-то вопросы. Как оказалось, зря.

Мама скрывала от меня не только правду о том, кем была до брака, но и о моем настоящем отце. Не хотела его помнить, знать и видеть? Не могла быть с ним по другим причинам и предпочла не делить эту боль со мной? Я терялась в догадках.

На следующий день я отправилась в библиотеку Орты, чтобы почитать про Лекс и убедиться, что мои знания об этом месте верны. Разглядывая в книге изображение мрачного на мой вкус замка с острыми шпилями башен, темным камнем стен и узкими стеклами окон, я думала о том, как мало видела в своей жизни. Нашу ферму, маленький городок неподалеку, Аларию да Орту. А ведь мир так велик. Не говоря уже о том, что совсем рядом, по другую сторону Занавеси, существовал еще один мир, в котором жили обычные люди, не маги. Мир, из которого маги когда-то ушли, но в который не так давно некоторые начали возвращаться. Орта принимает на обучение их детей, чтобы рассказать им в рамках спецкурса о нашем мире и научить пользоваться магическим потоком, поэтому у нас расположены порталы, через которые легко можно попасть в так называемую «европейскую часть», что бы это ни значило. А я ни разу не проходила через эти порталы, хотя они совсем рядом!

Каждый вечер перед сном я крутила в руках найденную в столе шкатулку, то снова пытаясь ее открыть, то просто разглядывая утонченную отделку. Что там внутри? Ничего не значащие безделушки или что-то важное? Не зря же мама спрятала ее в моем столе да еще наложила невидимость! Прятала что-то от отца? Могло ли внутри быть что-то связанное с моим настоящим отцом?

Или внутри то, что стало причиной ее смерти?

Этот вопрос тревожил меня больше других. Я знала, что легионеры, расследовавшие случившееся, вынесли однозначный вердикт: несчастный случай. Отец на пару дней покидал ферму по делам, а когда вернулся,

обнаружил маму мертвой у подножия лестницы. С помощью специального ритуала легионеры выяснили, что смерть была ненасильственной. То есть никто не помогал маме упасть, она упала сама. Это было почти невозможно: даже если бы она оступилась, инстинкт самосохранения призвал бы магический поток, и левитация остановила бы падение. Так происходило в большинстве случаев. Но легионеры получили результат своего ритуала и нашли в доме пустую бутылку вина и бокал, из которого мама пила в тот вечер. И на основании всего этого вынесли вердикт.

Я не верила в их версию. Мама, конечно, время от времени позволяла себе бокал вина, особенно когда отца не было дома, но она никогда не напивалась. Либо магию легионеров обманули, что было сложно, но возможно, либо сами легионеры солгали. Все знают, что Легион порой покрывает преступления, в которых замешаны представители элиты. Я видела это собственными глазами всего год назад.

Орта – тоже один из древних университетов. После объединения королевств в Первую Республику, Норд Сорроу, ставший ее первым и последним канцлером, поручил ее создание своим друзьям, которые ради объединения в республику тоже отказались от своих престолов – Роне Риддик и Гордону Геллерту. Он не хотел менять традиции Лекса, поэтому просто инициировал создание более демократичной школы, в которой могли бы учиться все желающие. Орта стала первой магической школой молодой Республики. Видимо, именно поэтому нынешний канцлер решил отправить своего сына учиться именно сюда, а не в элитный Лекс: чтобы показать свою близость к народу, поставить знак равенства между своей семьей и семьями других граждан Республики. Только быть равным перед законом у него смелости не хватило.

В прошлом декабре ходили упорные слухи, что его сын – Марек Кролл – напал на одну из девушек со спецкурса и пытался изнасиловать. Обвинения предъявлены не были, его даже не допросили, но о том, что он сделал, шептались еще долго. Дело замяли, и оно больше никогда не всплыло. Даже тогда, когда та девушка со спецкурса оказалась в разы выше по статусу и самого Марека, и его отца. Впрочем, к тому времени канцлер уже отказался от сына по другим причинам и выслал его за Занавесь, в мир обычных людей, без права возвращения.

Изменения, которые происходили в Республике последние полгода, конечно, очистили Легион, но я очень сомневалась, что тот мог стать кристально чистым за такой короткий срок. И если в смерти моей мамы замешан кто-то из высшего

общества, к которому она могла когда-то принадлежать, то никакого честного расследования не будет. Убийца не будет наказан.

От этой мысли у меня в груди вновь разгорался пожар. Тот самый, который появлялся каждый раз, когда другая девушка, нормальная, на моем месте расплакалась бы. Я всегда считала, что неумение плакать – это просто отклонение. Какой-то изъян, сбой в организме. Так всегда говорил мой отец, и я верила ему. Теперь же я задавалась вопросом: могло ли это быть связано с моим настоящим отцом? Какая-то наследственная черта или семейное проклятие? Меня на проклятия проверяли и ничего не нашли, но семейное проклятие, наложенное пару поколений назад, может проявляться у потомков, при этом не обнаруживаясь. Мне все чаще казалось, что если я найду родного отца, то получу ответы на многие вопросы.

А еще, чем больше я обо всем этом думала, тем больше мне хотелось найти родителей мамы, то есть своих бабушку и дедушку. Я не знала, по каким причинам мама порвала с ними связь. Может быть, те плохо восприняли ее беременность? Или она только боялась, что они плохо воспримут ее беременность? Или ее тоже вынуждали за кого-то выйти замуж? Двадцать лет назад да к тому же в высшем обществе могли и заставить.

Однако мама умерла и спросить обо всем этом мне теперь было не у кого. Мой как бы отец прямо сказал, что дальнейшее общение между нами возможно только после того, как я приму предложение руки и сердца его друга и соседа. Да и не факт, что он сам что-то знает о родных мамы или о моем настоящем отце. Где простой фермер – и где люди, обучающиеся в Лексе?

Замуж мне не хотелось. Ни за нашего соседа, ни вообще, честно говоря. Я не видела в браке ничего хорошего. Изо дня в день прислуживать чужому мужчине? Чтобы он при этом постоянно попрекал тебя куском хлеба и каждой потраченной на себя кроной? Нет уж! Я мечтала получить образование, найти работу, которая позволит оплачивать счета, и поселиться в крупном городе, где много людей, среди которых можно затеряться. И среди которых можно найти людей, близких мне по духу. Ни там, где я выросла, ни даже в Орте мне этого сделать не удалось. А в большом городе шансов больше. По крайней мере, мне так казалось.

А еще из крупного города проще попасть к морю: оттуда порталы ведут во все уголки Республики. Даже на территории низших, хотя туда я определенно не

собиралась наведываться. А вот услышать вживую шум волн, пройтись по мелкому песку босыми ногами, окунуться в прозрачную воду – этого всего я хотела. И от всех этих возможностей – от полной свободы – меня отделял всего один учебный год. Я специализировалась в снадобьях, но Мастером становиться не собиралась – слишком долго и слишком дорого учиться. Меня устраивала перспектива стать обычным ремесленником. С таким образованием можно найти хорошую работу при аптеке, больнице или одной из многочисленных лавок, торгующих разнообразными снадобьями. Да, я была близка к своей мечте и полной свободе.

Но теперь я хотела не только этого. Я хотела возмездия для мамы и правды для себя. То, о чем раньше я почти не задумывалась, теперь вдруг стало мне жизненно необходимо: понять, кто я и где мои корни.

Возможное решение всех проблем пришло мне в голову внезапно посреди ночи в самый разгар сессии, разбудив и заставив несколько секунд ловить ртом воздух, пока спятившее сердце не успокоится. Решение это выглядело одновременно очень просто и невероятно сложно: мне нужно попасть в Лекс. Только там я могла найти ниточки, которые привели бы меня или к родному отцу, или к родителям мамы. Даже была крошечная вероятность того, что я смогу найти убийцу. Правда, что я буду делать в таком случае, я не представляла.

Простым это решение было потому, что теоретически перевестись на четвертый год в другой университет я могла. Это не воспрещалось. Но речь шла о Лексе! А я официально была дочерью фермера без родословной, уходящей корнями во времена древних королей. Для таких, как я, дорога в Лекс всегда была закрыта, и потому это решение было невероятно сложным. И еще одна проблема: плата за обучение. К тому моменту я уже знала, что мама завещала лично мне небольшую сумму и мне даже не требовалось достигать совершеннолетия, чтобы потратить ее на что-то вроде учебы. Только этой суммы не хватило бы даже на год обучения в Орте. А в Лексе я и вовсе смогла бы оплатить только один триместр. Впрочем, образовательный кредит никто не отменял, а одного триместра мне бы хватило, чтобы получить его, если я не успею найти то, что мне нужно.

Так что глобально вопрос упирался в одно: как попасть в Лекс?

Я думала об этом целую неделю, но за все это время в голову пришел только один вариант: воспользоваться протекцией. Это была безумная идея. И мне она

не нравилась, именно поэтому я целую неделю пыталась придумать другой вариант. Но его просто не существовало. Я не любила просить, как не хотела быть кому-то должной, но желание узнать правду о себе оказалось сильнее гордости. К тому же я уже все равно планировала влезть в кредитные обязательства, а потому быть должной Яну Норману выглядело уже не так страшно.

Глава 2

У Яна Нормана в Орте учились немногие, но знали о нем все. Мало кто рисковал проходить его курсы, потому что он преподавал дисциплины, связанные с очень непопулярной ныне темной магией. Знали его по той же причине: долгие годы он был единственным темным магом, преподававшем в Орте. До тех пор, пока прошлым летом с его магией что-то не случилось и он не перестал быть темным. Никто толком не знал, что произошло, но факт оставался фактом: в один прекрасный день он сменил черный форменный костюм на серый. Это означало, что светлым он все равно не считался.

Его заметно побаивались. Я занималась у него на втором курсе, и сама каждый раз входила в его аудиторию с замиранием сердца. При этом никто из нас не мог толком объяснить, что такого страшного мы в нем видим. Он редко повышал голос, всегда был вежлив, но что-то заставляло нас обходить его стороной. Поэтому в сплетни о его романе со студенткой спецкурса вдвое его моложе, которые упорно ходили по Орте год назад, я до последнего не верила. И, как и многие, была шокирована, когда эта история завершилась громкой свадьбой в конце августа.

Все так или иначе знали, что он носит иллюзию и прячет под ней настоящее лицо. Я слышала об этом с первого курса. Одни говорили, что иллюзию ему позволили доктора после того, как ничего не смогли сделать с последствиями какой-то травмы, уродовавшей его лицо. Другие утверждали, что он беглый преступник. Третьи – что он скрывается от какого-то скандала. И только когда та самая студентка спецкурса оказалась ревоплощением древней королевы, которого магический мир ждал пять веков, появилась новая версия. Именно из-за нее я решилась обратиться к нему за помощью.

Эта гениальная идея пришла мне в голову в ночь с субботы на воскресенье, и я очень боялась, что до понедельника передумаю, поэтому искать профессора Нормана я отправилась прямо с утра. Однако в столовой мы, очевидно, разминулись, в рабочем кабинете его, естественно, в честь выходного не было. Личный кабинет оказался заперт, и на мой стук тоже никто не ответил. После недолгого колебания я даже постучалась в его личные комнаты, но и там его не было. Оставалось всего несколько мест, где я могла его найти, если только он не покинул Орту по каким-нибудь делам.

В библиотеке мне не повезло, зато в спортивном корпусе – да. Тренажерный зал был пуст, как и всегда утром в воскресенье, но из дальнего зала иллюзий доносился какой-то шум, поэтому я решила проверить, кто там.

Иллюзия была отключена, зал выглядел обычным залом со светлыми стенами, в центре которого двое упражнялись в фехтовании. В высоком, крепком, светловолосом мужчине я без труда узнала профессора Нормана, хоть мне раньше и не доводилось видеть его в спортивном костюме. Его партнершей оказалась молодая жена, бывшая студентка спецкурса Таня Ларина.

Мне подобный способ проводить воскресное утро казался очень странным, но выглядело все так, словно это была привычная тренировка. Профессор Норман наносил удары, как мне казалось, совершенно не сдерживаясь, Таня отвечала не менее яростно, рыжеволосый «хвост» метался из стороны в сторону при каждом ее движении. Они оба двигались стремительно и при этом очень грациозно. Может быть, они так ссорятся?

Я застыла на пороге, не решаясь их прерывать и терпеливо дожидаясь, пока кто-нибудь из них обратит на меня внимание. Но они были полностью поглощены друг другом и своей схваткой.

Через пару минут Таня неожиданно перешла в более активное наступление. Ей удалось выбить меч из руки мужа. Прижав Нормана к стене, она с видом победителя остановила лезвие меча у его горла.

– Ты убит, – тяжело дыша провозгласила она и радостно добавила: – Я наконец-то победила!

– Не совсем, – он покачал головой, улыбаясь. – Может быть, я и убит, но ты тоже мертва.

Должно быть, мы с Таней одновременно посмотрели вниз, туда, где Норман направлял острие небольшого кинжала в ее грудную клетку. Лезвие было достаточно длинным, чтобы, пройдя между ребер, пробить насквозь легкое.

– Черт! – досадливо воскликнула Таня, отходя от него. – Так нечестно…

– А кто сказал, что противники должны вести себя честно? – усмехнулся Норман, отлипая от стены. – Не надо подходить так близко. Ты могла проткнуть меня с расстояния вытянутой руки, а не прижиматься ко мне.

Таня убрала меч в ножны и скрестила руки на груди, все еще выглядя раздосадованной.

– Вот возьму и последую твоему совету: весь день прижиматься не буду. Или даже неделю.

Он склонил голову набок, продолжая улыбаться, но выражение его лица стало удивленным.

– Это угроза?

Таня не ответила, демонстративно глядя в сторону, но мне почему-то казалось, что это ненастоящая обида. Норману, видимо, тоже, потому что он вдруг резким движением привлек ее к себе и принялся целовать. Обиды его жены хватило секунды на полторы, а я решила все же привлечь к себе внимание, пока дело между ними не зашло слишком далеко.

– Профессор Норман! Доброе утро, простите, что помешала. Мне очень нужно с вами поговорить.

Они резко разорвали объятия, увеличивая расстояние между собой. Таня заметно смутилась, а ее муж остался как всегда невозмутим.

– Госпожа Роук? Чем обязан?

Это было еще одной особенностью профессора Нормана: он помнил по именам всех своих студентов, даже тех, кто посещал только одну дисциплину. Возможно, потому что студентов у него было не так много, как у других преподавателей. Или же у него была хорошая память.

– Мне очень нужна ваша помощь, – без предисловий сообщила я, осторожно подходя ближе к ним.

– Если я могу вам чем-то помочь, я с удовольствием это сделаю.

Его спокойный, уверенный тон не оставлял сомнений, что так и будет. Он сцепил руки за спиной, как это часто делал, и приготовился слушать. Его совершенно не смущало то, что он в тренировочных брюках и промокшей от пота футболке с коротким рукавом вместо обычной преподавательской формы. Я очередной раз задалась вопросом, почему же мы, студенты, так его боимся?

– Я, наверное, оставлю вас, – предложила Таня, как будто заметив, что мне ужасно неловко.

Она даже успела сделать шаг к выходу, но я остановила ее:

– Нет, Таня, пожалуйста, останьтесь. Ваша помощь нужна мне ничуть не меньше.

Ее это заметно удивило. Я запоздало подумала о том, что между студентами в Орте не было принято обращение на «вы», а ведь она с нового учебного года, насколько я знала, собиралась продолжить обучение в Орте. Но как еще я могла общаться к ней, учитывая то, кем она была? Да и в данный конкретный момент я разговаривала не со студенткой Орты, а с женой моего преподавателя. Подумав об этом, я тут же начала переживать о том, что назвала ее по имени.

– Мы вас внимательно слушаем, – голос профессора Нормана вернул меня к реальности.

Я набрала полную грудь воздуха и быстро выпалила, боясь на полуслове растерять остатки наглости и уверенности:

– Мне очень нужно перевестись в Лекс для обучения на четвертом курсе, и для этого мне нужна ваша протекция. Я прекрасно понимаю, что не имею никаких оснований просить вас об этом, а у вас нет ни малейшей причины мне помогать, но… пожалуйста.

Норман удивленно приподнял брови и переглянулся с женой, как будто хотел убедиться, что я сказала именно то, что он услышал. Однако, когда он заговорил, голос его звучал довольно нейтрально:

– Это весьма… неожиданная просьба, госпожа Роук. Надеюсь, вы позволите уточнить, с чего вдруг вам разонравилась Орта и так срочно потребовалось поступить в Лекс?

– Нет, мне нравится Орта, – заверила я его. – Просто мне очень нужно попасть в Лекс.

– Я все еще не понимаю зачем?

Я знала, что он спросит, поэтому заранее приготовила объяснение, которое отчасти было правдой, а потому могло его убедить:

– У меня недавно умерла мать, а мой отец хочет выдать меня замуж за своего друга. Полагаю, вы знаете жесткие правила Лекса. Вступать в брак во время обучения там запрещено. Это дало бы мне защиту как минимум на год.

– А ты не можешь просто сказать отцу, что не хочешь замуж? – удивилась Таня.

– Я говорила, – заверила я ее. – Не раз. Его это вывело из себя.

– Но он же не может тебя заставить…

– Заставить – нет, – кивнула я. – Но требовать будет. В Орте ничто этому не помешает. А в Лексе он даже не сможет меня навещать без предварительного согласования с их ректором.

– Мне кажется, это очень странный способ избежать неугодного замужества, – заметил Норман, нахмурившись. – Хотите, я поговорю с вашим отцом? Или

просто запрещу ему посещать Орту.

– А вы можете? – удивилась я.

– Со следующего учебного года смогу.

Я не сразу поняла, что это значит, но потом сообразила: видимо, Абрахама Реда – нашего странноватого ректора – все же снимают с должности. То, что на его место назначают Нормана, было вполне ожидаемо. Особенно учитывая то, что в главном холле портрет Гордона Геллерта заменили портретом Норда Сорроу.

Однако для меня это стало плохой новостью: моя и без того шаткая причина теперь совсем не годилась.

– Мне кажется, тут дело совсем не в перспективе замужества, – догадалась Таня. Наверное, я слишком громко думала. – Но настоящую причину ты по каким-то причинам не хочешь называть.

Мне оставалось только смущенно кивнуть. С чего я вообще взяла, что смогу их обмануть?

– Хорошо, предположим, – кивнул Норман. – Если вам неловко ее называть, я не буду настаивать. Но с чего вы взяли, что ректор Лекса меня послушает? Кто я такой, чтобы давать подобные протекции?

Я перестала гипнотизировать взглядом пол и удивленно посмотрела на него.

– Но как же? Все ведь знают, что вы – это он.

– Кто – он?

– Норд Сорроу. Древний король и основатель Лекса, – почти шепотом сказала я. – Конечно, официально вы этого не признали, но… все ведь и так знают.

Он опять удивленно приподнял бровь, на этот раз одну, и недовольно покосился на жену. Та вновь демонстративно смотрела в сторону. Конечно, ведь именно ее намеки, которые она давала в разных интервью, привели к тому, что «все

знали».

– Я боюсь, госпожа Роук, – сдержанно заметил Норман, – что неподтвержденных слухов недостаточно для протекции в Лексе.

– Но ты ведь можешь попробовать обратиться к их ректору, – вмешалась Таня, когда моя слабая надежда уже почти успела умереть. – Хотя бы как почти ректор Орты.

Норман снова недовольно посмотрел на нее, демонстрируя, что не в восторге от этой идеи. Не дожидаясь его ответа, она снова заговорила сама:

– Хорошо, тогда я к нему обращусь. Может быть, просьба ревоплощенной Роны Риддик для него что-то значит.

Моя надежда вновь ожила. Конечно, это обещание еще ничего не значило, но оно давало мне шанс.

– Спасибо вам огромное, – я постаралась вложить в эти слова всю свою благодарность. – Я буду вашей должницей.

Таня отмахнулась, а Норман вздохнул, но ни спорить, ни отговаривать жену не стал. Он только посмотрел на меня, как мне показалось, с сочувствием. Причины такого взгляда я поняла много позже.

Глава 3

О том, что ректор Лекса согласен встретиться со мной для собеседования, я узнала уже после начала каникул. Таня Ларина неожиданно прислала мне с феей записку, в которой приглашала зайти к ним с мужем на обед. Меня это приглашение смутило. Кто я такая, чтобы обедать с теперь уже ректором Орты и ревоплощенной королевой? Но мой отказ выглядел бы слишком вызывающе, как пренебрежение, а мне не хотелось никого обижать.

В домашней обстановке профессор – то есть, теперь уже ректор – Норман мало чем отличался от самого себя в аудитории: такой же спокойный, сдержанный и вежливый. Разве что одет был более свободно: в светлые брюки и рубашку, вместо серой преподавательской формы. Возможно, его сдержанность объяснялась моим присутствием. Мне стало любопытно, каким он бывает с женой наедине. В браке своих родителей я чаще видела холодность, отчужденность и взаимное разочарование. Я не знала, было ли так всегда или стало к тому времени, как я подросла и начала запоминать. Может быть, когда-то мой неродной отец тоже смотрел на маму с такой безграничной нежностью, а она обращалась к нему с откровенным восхищением?

Таня радостно поведала мне, что ректор Лекса – Найт Фарлаг – в своем ответном письме был очень любезен и пригласил меня на собеседование, по результатам которого примет окончательное решение. Судя по кривой усмешке ректора Нормана, которая сопровождала эти ее слова, в действительности все не было так просто. Я была благодарна Тане за то, что она преуменьшала свои заслуги: я и так не знала, как буду расплачиваться с ней за заботу.

– Ректор Фарлаг будет ждать тебя завтра в два часа дня, – пояснила она. – Ты подойди к порталам без пяти, мы тебя проводим, а на той стороне тебя встретит кто-то из сотрудников Лекса.

– Вам совершенно необязательно меня провожать, – пробормотала я, смущаясь еще больше.

Я не понимала, что за пляски вокруг меня? Впрочем, ей могло быть просто скучно. Она ведь из Покинувших – выросла в мире людей, а в мире магов у нее едва ли широкий круг общения. Королевами обычно восхищаются, а не дружат с ними.

– Полагаете, сможете самостоятельно настроить портал на Лекс? – легко уел меня Норман. Заметив мою растерянность, кивнул. – Я так и думал. Так что я там буду исключительно для этого.

– К тому же нам все равно идти к порталам, чтобы отправиться в Аларию, – весело добавила Таня. – В гости к моим родителям.

– Традиционный семейный обед, – с несколько натянутой улыбкой уточнил Норман.

– Попробуй в следующий раз сказать это с большим энтузиазмом, – поддела его Таня.

Ректор Норман опустил вилку, так и не донеся ее содержимое до рта, и выразительно посмотрел на жену.

– Что за намеки? Я обожаю обедать у твоих родителей.

Даже я услышала нотки сарказма в его тоне.

– Еще скажи, что обожаешь мою маму, – хмыкнула Таня, подперев подбородок рукой и насмешливо глядя на него.

– Конечно, я обожаю твою маму, – сдержанно подтвердил Норман. – Иногда мне кажется, что я обожаю ее даже больше, чем тебя.

Мы с Таней не выдержали одновременно, только она рассмеялась в голос, а я постаралась сделать это тихо.

– Лжец, – укоризненно, но при этом очень нежно заметила Таня, глядя на мужа с широкой счастливой улыбкой.

Норман тоже тихо рассмеялся, ничуть не обидевшись на это заявление, после чего мы продолжили есть, обмениваясь преимущественно ничего не значащими фразами об Орте, учебе, погоде и последних новостях.

Под конец, когда основные блюда были съедены, Норман поинтересовался нашими мыслями насчет десерта. Я попыталась отказаться, но Таня энергично заверила меня, что у них на десерт какие-то невероятно вкусные пирожные, которые мы обязаны хотя бы попробовать. Норман взмахом руки отправил посуду в университетскую столовую, а сам поднялся из-за стола и заявил, что займется напитками лично.

– Госпожа Роук, вы будете чай? – дождавшись моего кивка он перевел взгляд на жену. – А тебе, конечно, кофе?

Она снова тепло улыбнулась ему и тоже кивнула. Он коснулся рукой ее плеча и поцеловал в макушку, прежде чем оставить нас наедине. Кажется, он просто нашел повод уйти, чувствуя, что его присутствие смущает меня.

Наблюдая за ними, я впервые подумала, что, возможно, в браке есть и какие-то плюсы.

– Тара, скажи, что на самом деле так влечет тебя в Лекс?

Вопрос застал меня врасплох. Мне не очень хотелось распространяться на эту тему, но теперь я уже не могла отказать Тане Лариной в ее любопытстве.

– После похорон мамы мой отец обмолвился о том, что он мне не родной, – глядя на свои сцепленные руки, лежащие передо мной на столе, призналась я. – И сказал, что мама привезла меня из Лекса. А я даже не знала, что она там училась. Я вообще ничего о ней не знаю, кроме того, что она моя мама.

Я больше ничего не стала говорить, полагая, что Таня достаточно умна и поймет все без моих слов.

Она действительно понимающе кивнула и вздохнула. Когда она заговорила, голос ее звучал почему-то печально, хотя до этого она все время выглядела довольно веселой.

– Я прекрасно понимаю, как важно найти себя, понять, кто ты и что тебе с этим делать. Но ты же знаешь, что в Лексе тебе придется нелегко? Ян кое-что объяснил мне про особенности этого университета и лиц, которые там учатся. И должна сказать, что целое учебное заведение, наполненное людьми вроде Марека Кролла, приводит меня в ужас. Даже не знаю, что хуже: оказаться там или в подземелье, которое кишит низшими, – она криво усмехнулась. – Поэтому имей в виду, если вдруг станет невыносимо, ты всегда можешь вернуться. Ян заверил, что зачислит тебя обратно в любой момент.

– Разве так можно? – удивилась я.

Она улыбнулась и пожала плечами.

– Я не знаю, можно так или нет, но если Ян сказал, что примет, значит, он так сделает.

И снова в ее голосе было столько тепла и восхищения, что я отчаянно ей позавидовала. Наверное, хорошо быть настолько уверенной в мужчине.

Я не выдержала и все-таки задала вопрос, который мучал меня с того дня, как было официально объявлено об их грядущей свадьбе:

– Как вы на это решились? Я имею в виду, на отношения с ним? Разве вас не пугало, что он темный и скрывает свое лицо? И вообще… Он же… намного старше. Или все дело в том, что когда-то у вас с ним уже был роман и вы об этом знали?

Мне показалось, что она смутилась. Я этого никак не ожидала, а потому тоже почувствовала себя неловко. Мама всегда говорила, что не стоит лезть другим людям в душу, и я очень редко нарушала это правило.

– Это сложно объяснить, – после продолжительной паузы ответила Таня, глядя куда-то вдаль и одновременно в себя. – Я ни на что не решалась. Когда начинались наши отношения, я их отчаянно хотела. Не скажу, что это всегда было легко. Да и сейчас не всегда легко. Мы во многом разные. Мы выросли в разных мирах, у нас очень разный жизненный опыт и… скажем так, культурный код. Он не всегда понимает мои шутки, я не всегда понимаю его действия. Но у нас есть кое-что очень важное: мы всегда хотим понять друг друга. А то, что мы не можем понять, мы стараемся просто принять. Когда-то нас спасает его мудрость, когда-то – моя эмоциональность. Мы просто знаем, что мы разные. И знаем, что ни один из нас не стремится обидеть другого. И если так случилось, то дело в каком-то недопонимании. Это помогает.

Ее слова напомнили мне то, что часто повторяла моя мама: не обижайся на отца – он не хотел нас обидеть, умей прощать, смиряйся…

– Стоит ли все это того? – наверное, этот вопрос я задала в тот момент самой себе, но Таня все равно ответила:

– При определенных условиях необходимость понимать, принимать и прощать из угрюмого каждодневного подвига превращается в естественную потребность.

– При каких?

На ее лице снова появилась эта простая, открытая улыбка, которая делала ее такой непохожей на какую-то там королеву.

– Когда любишь.

В этом мне оставалось только поверить ей на слово, потому что я сама пока еще ни разу не любила.

* * *

Ректор Лекса Найт Фарлаг в первую очередь поразил меня своим возрастом. Я привыкла к ректору Орты Реду, которому было далеко за шестьдесят, и даже назначение ректором сорокалетнего профессора Нормана мне казалось странным. Но это легко объяснялось тем, кем он был. Возраст Найта Фарлага едва ли даже приближался к сорока, и я не представляла, кем нужно быть, чтобы в таком возрасте занять такую должность.

Во вторую очередь меня поразила его внешность. Нет, его, наверное, можно было назвать достаточно привлекательным мужчиной: высокий, подтянутый шатен с гармоничными чертами лица. Наверняка студентки влюблялись в него без памяти. Меня смутила заметная небритость, взъерошенные волосы, словно он недавно встал с постели и не подумал их расчесать, мятая рубашка и небрежная поза, в которой он восседал за своим столом. Я даже не сразу поняла, что человек, к которому меня привели, и есть ректор Лекса.

А еще он носил черный костюм. Совсем не похожий на преподавательскую форму Орты, но черный цвет сразу заставил воспринимать его как темного.

– Садитесь, – не здороваясь велел он, кивнув на кресло посетителя, стоявшее от него по другую сторону стола.

Его голос звучал глухо, но почему-то мне показалось, что он умеет быть очень громким и… звучным, что ли. Стараясь унять сердцебиение, я осторожно опустилась в кресло, тайком окидывая взглядом кабинет. Рассмотреть что-либо оказалось непросто: узкие окна были задрапированы плотными шторами, совсем не пропускающими свет, одинокий светящийся шар висел в воздухе почти над самым креслом посетителя, поэтому меня он освещал хорошо, а все остальное тонуло в полумраке, включая моего собеседника. Это заставляло нервничать.

– Итак, – начал Фарлаг. Он подпирал голову рукой, поставив локоть на ручку кресла, и гипнотизировал взглядом темных глаз, которые из-за теней, падавших на лицо ректора, казались черными. – Объясните мне, госпожа Рок, по какой такой причине вы сочли необходимым – а главное, возможным – для себя учиться в Лексе?

– Роук, – как можно спокойнее поправила я.

– Что?

– Моя фамилия – Роук. Не Рок.

Он молчал, наверное, с полминуты. И я тоже молчала, дожидаясь его реакции. И дождалась.

– Я очень надеюсь, что это не единственный ваш аргумент в пользу права учиться в Лексе.

Насмешливый, высокомерный тон, от которого внутри вспыхнул крошечный огонек гнева. К счастью, гасить такие вспышки я хорошо умела. Я откашлялась, чтобы голос в ответственный момент не подвел, и выдала новую версию, поскольку понимала, что ректору Фарлагу точно не стоит объяснять про неугодное замужество:

– Я специализируюсь в снадобьях, хочу стать хорошим специалистом. И я слышала, что в Лексе очень сильная подготовка по этому предмету. Сильнее, чем в Орте.

На самом деле ничего такого я не слышала. Просто в Лексе традиционно каждый предмет преподавался на высшем уровне, ведь здесь собирали лучших преподавателей со всей Республики, абы кого не брали.

Глаза Фарлага заметно сузились, словно он внезапно стал плохо видеть и пытался теперь сфокусировать на мне взгляд. Я непроизвольно поерзала на месте.

– Стало быть, курс снадобий, преподаваемый в Орте, оказался недостаточно хорош для дочки фермера? – язвительно усмехнулся он.

На этот раз слова прозвучали пренебрежительно, и меня кольнула обида. Я сознательно села прямее и чуть вздернула подбородок, чтобы он не догадался о том, как меня задели его слова.

– Стремление быть лучше не зависит от родословной, – ответила я, все еще старательно контролируя голос.

– Снадобья, используемые в сельском хозяйстве и животноводстве, довольно просты, – продолжил он тем же насмешливо-пренебрежительным тоном.

– Я не планирую возвращаться на ферму… отца.

Он тихо фыркнул и едва заметно покачал головой. В этом звуке и движении мне почему-то послышалась непроизнесенная фраза: «Я так и думал». И наверняка подумал он совсем не то, что я имела в виду, поэтому я посчитала нужным уточнить:

– Я хотела бы найти работу в городе, желательно при аптеке или больнице. Медицинские снадобья в большинстве своем достаточно сложны, а некоторые и вовсе доступны только Мастерам. У меня нет возможности стать Мастером, но я хотела бы уметь как можно больше, чтобы иметь больше шансов найти хорошую работу.

– Похвально, – он даже издевательски поаплодировал мне.

А вот теперь в груди начало разгораться настоящее пламя, погасить которое было уже не так просто. Вдобавок грудную клетку словно обручем сдавило. Интересно, он пригласил меня сюда, только чтобы поиздеваться? Что бы я ни говорила, все вызывало у него только насмешку и презрение. После доброжелательных преподавателей Орты такое отношение казалось гадким и несправедливым. Интересно, они тут все такие? Я вспомнила слова Тани Лариной о том, что место, полное людей вроде Марека Кролла, хуже подземелья с низшими. А ведь она наверняка знала, о чем говорит: столкнулась в своей жизни и с тем, и с другим.

На мгновение у меня появилось желание встать, высказать этому снобу в лицо все, что я думаю о его манере разговора, и гордо удалиться. Вернуться в Орту, доучиться спокойно. Кредит не придется большой брать, быстрее верну. И к демону тайны моего рождения и смерти мамы!

Но я сдержала себя. По моей инициативе за меня просили этого человека. И если ужревоплощенная королева не переломилась, делая это, то и я вполне могу потерпеть. Один триместр, три с половиной месяца. Не так уж и много.

Поэтому я промолчала, продолжая сидеть все так же прямо, хотя от этой позы уже сводило мышцы спины и шеи.

Фарлаг тоже молчал и уже даже не смотрел на меня, невидящим взглядом уставившись на поверхность письменного стола, на котором в беспорядке были разложены какие-то бумаги и мелкие канцелярские принадлежности. В конце концов он вздохнул и довольно резко заявил:

– Нет ни одной причины, по которой я должен взять вас в Лекс. Вы небогаты, ваши результаты в Орте не тянут на выдающиеся, ваш род… Да у вас просто нет никакой родословной. Вы никчемная дворняжка, которая пытается пролезть на выставку породистых собак. Вы никоим образом не подходите Лексу. Большинство студентов справедливо сочтет оскорблением для себя, если я приму вас. Надеюсь, вы понимаете, что подружиться здесь с кем-то и обеспечить себе безбедное будущее у вас не получится? Для содержанки вы недостаточно хороши собой.

Каждое его слово было словно пощечина, от которой мое сердцебиение все учащалось, дыхание становилось тяжелее, а огонь в груди горел все сильнее.

Так вот, что он подумал? Что я ищу себе богатого мужа или, на худой конец, любовника? Меня снова распирало изнутри от желания сказать ему все, что я думаю по этому поводу, а он выжидающе смотрел на меня. Ждал, что я заплачу? В этом я была вынуждена его разочаровать. Говорить все, что думаю, тоже не стала, но от некоторых слов все же не удержалась, стараясь, впрочем, чтобы они не прозвучали слишком уж дерзко:

– Поверьте, безродная дворняжка в моем лице совершенно не намерена заводить здесь себе высокородных друзей… В каком-либо качестве. У меня другие цели. Я осознаю, что не подхожу Лексу из-за своего происхождения. Но хочу заметить, что вы тоже не очень-то подходите должности ректора университета из-за своего возраста. Наверняка многие преподаватели, которые старше и опытнее вас, в свое время тоже восприняли ваше назначение как оскорбление. Однако, как мне кажется, это не мешает вам справляться со своей работой. Не помешает все это и мне в учебе.

Финальная лесть вырвалась исключительно по наитию. Я не представляла, насколько Фарлаг справляется со своей работой. Но он сам наверняка считал, что справляется хорошо. У столь спесивых людей другого мнения о себе быть не может.

Он внезапно подался вперед, оперся локтями о стол. Его лицо попало под свет шара, и я смогла разглядеть, что глаза у него не черные, а карие с зелеными прожилками. Они едва заметно слезились, как от едкого дыма или запаха. Или резкого света. Он поморщился, движением руки отогнал шар подальше и тихо выплюнул всего одно слово:

– Сэр.

– Что? – не поняла я.

– В Лексе, обращаясь ко мне или кому-то из преподавателей, вы обязаны добавлять обращение по нашей должности или «сэр».

Я сглотнула, не веря в свою удачу.

– Это значит, что вы принимаете меня в Лекс? Сэр, – поспешно добавила я. Придется к этому привыкнуть.

– А вы думаете, я могу отказать ревоплощению Роны Риддик и ее мужу, который, вероятно, создал этот университет? Не знаю, почему они просили за вас, но я вынужден удовлетворить их просьбу. Только предупреждаю: в течение двух недель после начала обучения вы должны будете найти себе личного наставника из числа преподавателей. Если никто не захочет им стать, вы будете отчислены. Без возвращения оплаты за обучение. Подумайте об этом, прежде чем ее вносить.

– Что ж, в таком случае я оплачу для начала только первый триместр, – поспешно зацепилась за эту возможность я, а потом поторопилась добавить: – Сэр.

Он снова откинулся на спинку кресла и бросил в мой адрес только одно слово:

– Свободны.

Я подскочила с места, скомкано попрощалась и быстро зашагала к двери. Лишь на пороге чуть замедлилась и оглянулась через плечо на ректора.

Тот сидел все так же откинувшись на спинку кресла, ладонь одной руки прижав к лицу, а другой – сжав в кулак. Что-то в этой позе заставило меня думать, что ему больно.

Но не мог же он так страдать из-за того, что взял в Лекс дочку фермера?

Глава 4

Первое марта – первый день нового учебного года – выпал на пятницу. И два выходных дня, которые должны были за ним последовать, оказались единственным приятным обстоятельством.

День начался с заселения в общежитие, которое произвело на меня неизгладимое впечатление. Нет, мне нравилось в Орте, я считала, что там очень удобно. И хотя у меня за три года так и не возникло теплых доверительных

отношений с соседкой, необходимость делить комнату на двоих меня не напрягала. В Лексе мне тоже предстояло жить с соседкой, но при этом делить с ней не комнату, а целые апартаменты: у каждой из нас была своя спальня, и моя оказалась больше той комнаты, в которой в Орте мы жили вдвоем. В ней же стоял и письменный стол. Делить нам предстояло просторную светлую гостиную с камином, диваном, уютными креслами и небольшим обеденным столом в углу и ванную комнату, в которой одновременно умещались и душевая, и довольно большая ванна.

Апартаменты привели меня в восторг, но он длился недолго. Ровно до тех пор, пока я не познакомилась со своей соседкой. И если с прежней у нас был вежливый нейтралитет, то с первых секунд общения с новой я поняла, что большую часть времени буду проводить в собственной спальне, а не в общей гостиной.

– Вот ты, значит, какая, – неестественно растягивая слова, протянула невысокая блондинка с такими идеальными пропорциями тела и лица, что без магии и иллюзий тут, наверное, не обошлось.

Сложив руки на груди, она окинула меня презрительным взглядом, под которым я, очевидно, должна была почувствовать себя клопом.

– Да, за что ж мне такое наказание? Почему именно мне подсунули какую-то оборванку?

Я только удивленно приподняла брови. Конечно, одета я была не по последней моде, как эта белобрысая кукла, но и на оборванку я едва ли походила. Обычная одежда среднего класса.

– Значит так, милочка, давай сразу договоримся: я сюда въехала первая и три года прожила одна. Поэтому в ванной здесь все мое, в гостиной тоже ничего не трогай. Очень надеюсь не встречаться с тобой за завтраком, обедом и ужином, – она кивнула на обеденный стол в углу, и я догадалась, что в Лексе еда подавалась в комнаты. – И вообще, чем меньше будешь отсвечивать, тем легче тебе будет жить. Усвоила?

В этот момент я очень хорошо поняла, что болезненным высокомерием страдал не только ректор Лекса, но и студенты. Впрочем, я не солгала Фарлагу: дружить

ни с кем из них я не собиралась, их мнение обо мне меня тоже не интересовало и с боем отстаивать свое право на то, чтобы свободно пользоваться гостиной, я не собиралась. Поэтому только пожала плечами, спокойно улыбнулась, игнорируя легкое печение в груди, и согласно кивнула:

– Это довольно простые правила, их легко усвоить.

Кажется, кукла немного растерялась. Может быть, ожидала, что я начну спорить или подлизываться? Или думала, я сильно огорчусь? В любом случае моя реакция несколько сбила ее с толку, потому что она только повторила:

– Да, и не отсвечивай!

– Я поняла это слово с первого раза, – снова кивнула я и показала на дверь своей комнаты. – Пойду, чтобы сильно не отсвечивать.

– Вот и правильно, – кивнула соседка, тоже направляясь в свою спальню.

Когда она уже толкнула дверь, я все-таки спросила как можно более миролюбивым тоном:

– Как тебя зовут-то хоть?

– Реджина, – гордо вскинув подбородок, ответила она. – Реджина Морт.

– Очень приятно, – хмыкнула я, оценив, как иронично в данном контексте звучит стандартная вежливая фраза. – А меня Тара Роук.

– Мне все равно.

И она захлопнула за собой дверь, а я подавила тяжелый вздох. Это будут очень долгие три месяца.

Я быстро разобрала сумку, благо местный платяной шкаф, комод и книжные полки могли вместить втрое больше вещей, чем у меня было. В шкафу обнаружилось строгое черное платье с прямоугольным вырезом, рукавами «три четверти» и расклешенной юбкой. Я задумчиво покрутила его, прикинула к себе.

Оно выглядело так, будто было мне по размеру. Учитывая то, что моя соседка три года жила в этих апартаментах одна, едва ли платье могла забыть другая студентка. Оно выглядело свежевыстиранным и отглаженным. Может быть, в Лексе предполагалась форма для студентов?

Я не знала, как лучше поступить. Надеть платье? Пойти в своей обычной одежде? Спросить у Реджины? Последний вариант я отмела сразу и все-таки решила надеть платье. Не зря же его сюда повесили?

Фасон оказался для меня не слишком удачным: юбка опускалась чуть ниже колен и выглядело это не очень красиво. Было бы лучше, окажись она чуть короче или, наоборот, длиннее. Но я напомнила себе, что я здесь не для того, чтобы соблазнять кого-то своим видом. У меня сегодня в расписании стояла только теория снадобий, но я все равно собрала волосы в аккуратный пучок на затылке, поскольку привыкла чтобы они не мешали. После этого я была готова отправиться на занятия.

В честь первого дня лекции сдвинули на два часа, чтобы с утра все успели заехать в комнаты, разобраться с учебной частью по всем вопросам и получить свои расписания. Я облегченно выдохнула, когда обнаружила, что остальные девушки ходят по коридорам Лекса в таких же черных платьях, как и я. Зато в ношении аксессуаров, украшений и амулетов никто себя не ограничивал. Парни носили темные костюмы одного фасона, под которыми различались только рубашки. А вот то, что среди встретившихся мне преподавателей многие тоже носили темные костюмы, меня смутило. К тому же поверх костюмов они надевали еще и черные мантии, что окончательно сбило меня с толку.

Ориентироваться в Лексе я еще не научилась, а карты с подсказками, как в Орте, тут не выдавали. Поэтому я долго блуждала по коридорам в поисках нужной мне аудитории, думая о том, что привыкнуть к мрачности этого места будет непросто. Орту всегда наполняли свет и яркие краски из-за белого камня стен и цветных стекол витражей, закрывавших большинство окон. В Лексе окна были узкими, стены – темными, коридоры – очень холодными и плохо освещенными. Все это создавало весьма тягостную атмосферу. Я не понимала, почему этот вроде как элитный университет так печально выглядит, но спросить мне было некого, и я приняла это как данность.

Нужную мне аудиторию я нашла буквально за минуту до начала лекции, и ворвалась в нее несколько запыхавшейся. И сразу почувствовала на себе

недоброжелательные взгляды тех, кто уже сидел на своих местах, даже разговоры притихли. Правда, ненадолго, потому что собравшиеся тут же принялись вполголоса обсуждать меня.

Делая вид, что ничего не замечаю, я подошла к первому ряду, собираясь сесть на свободное место с краю, но меня тут же окликнула девушка – смуглая шатенка с очень красивыми, большими карими глазами – сидевшая на том же ряду:

– Эй, фермерша, тут занято.

Подружки, сидевшие рядом с ней, довольно хихикнули, а я не стала спорить и поднялась на ряд выше. Там были свободные места в середине, но парень, сидевший с краю, тут же подвинул стул так, что я не смогла бы пройти мимо него. Я почувствовала, как задрожали руки, и сжала их в кулаки, чтобы это не бросалось в глаза.

– Здесь есть свободное место, – внезапно раздался мужской голос у меня за спиной.

За столом с другой стороны от прохода сидел довольно симпатичный блондин, рядом с которым я обнаружила мою единственную знакомую в Лексе – Реджину. Та выглядела заметно удивленной этим приглашением, а блондин выразительно кивнул на стул с другой стороны от себя, предлагая мне занять его. Для этого мне нужно было пройти мимо Реджины, но та не стала выдвигать свой стул, поэтому я наконец села.

– Спасибо, – тихо пробормотала я, торопливо выкладывая на стол тетрадь и ручку и продолжая делать вид, что меня вся эта ситуация ничуть не взволновала. К счастью, я редко краснела, как бы ни билось в груди сердце.

– Всегда пожалуйста, – с улыбкой отозвался он и повернулся к Реджине, которая тут же начала ему что-то рассказывать о своих каникулах.

А я перевела дыхание: часа на полтора можно было расслабиться, едва ли кто-то будет доставать меня во время лекции.

Однако через секунду разговоры смолкли, и я поняла, что расслабиться не получится. Дверь открылась, и в аудиторию вошел ректор Фарлаг собственной персоной. Сегодня его внешний вид был почти столь же небрежен, как и во время моего собеседования, только поверх костюма еще была накинута мантия, как у других преподавателей.

Стоило ему войти, в аудитории воцарилась мертвая тишина, такая плотная, что ее ножом можно было резать. Мне показалось, что некоторые даже дыхание затаили. Я-то уж точно затаила.

В этой давящей тишине ректор Фарлаг медленно подошел к преподавательскому столу, держа руки в карманах брюк, а потом повернулся к нам. Его взгляд в первую очередь метнулся ко мне и только потом прошелся по другим студентам.

– В этом году мы начинаем изучение влияния материалов посуды и приборов на снадобья, – без приветствий, предисловий и прочей лирики начал он, и аудитория торопливо зашуршала страницами тетрадей. – Тема сегодняшней лекции – влияние металлов ножей для нарезки ингредиентов на снадобья пятого уровня сложности.

И после этого он принялся монотонно рассказывать, а мы – спешно записывать. Меня радовало только одно: судя по напряженным спинам других студентов, наконец-то страшно было не только мне.

* * *

Найт Фарлаг оказался довольно своеобразным преподавателем. Он определенно хорошо знал тему, которую рассказывал: не сбивался, не запинался, не отвлекался на посторонние рассуждения и всякую лирику, его рассказ был четко структурирован и очень постепенно вырисовывал для нас всю картину по теме от общего к частному. При этом ему как будто было ужасно скучно нам все это рассказывать. Он говорил ровно, без эмоций, не делая акцентов, с одинаковой скоростью, так что мы едва успевали записывать. Ему явно не нравилось читать лекцию, но зачем тогда он это делал? В Орте ректор не вел никаких предметов и прекрасно себя при этом чувствовал.

За всю лекцию никто ни разу не осмелился прервать Фарлага вопросом. Несколько раз он сам говорил что-то вроде:

– Здесь есть некоторые нюансы, но это вы посмотрите сами по книгам.

Я такие места помечала подчеркиваниями и восклицательными знаками, чтобы потом не потерять, а в процессе не отстать от рассказа. Через полтора часа мою руку сводило, я подозревала, что пальцы, сжимавшие перьевую ручку, никогда не разогнутся. Спина взмокла, и я искусала себе все губы.

Завершив свой рассказ ровно за пять минут до конца занятия, Фарлаг продиктовал нам довольно объемное домашнее задание, а потом, не прощаясь, вышел из аудитории. Все студенты одновременно выдохнули с облегчением. А еще через полминуты начали переговариваться и собираться.

Облегченно выдохнула и я, а светловолосый парень, пригласивший меня сесть рядом, с улыбкой заметил:

– Нелегко пришлось, да? Но ты не переживай, он у нас один такой. Остальные преподаватели вполне адекватны. Кстати, меня зовут Алек.

И он протянул мне руку. На несколько секунд я замерла, пытаясь понять, в чем подвох. После разговора с ректором, знакомства с соседкой и поведения сокурсников перед лекцией мне казались странными его милая улыбка и доброжелательный тон.

– Тара Роук, – все же представилась я, осторожно пожимая его ладонь.

– Я знаю, – Алек улыбнулся, кажется, во все тридцать два белоснежных зуба. – Твой перевод к нам стал темой дня с самого утра. Причем вчерашнего. Так что я много о тебе знаю, но все равно буду рад, если ты расскажешь больше. Пойдем, выпьем по чашке чая? У нас сейчас продленный перерыв перед следующим занятием.

К этому моменту мы уже оба встали и вышли из-за стола, а однокурсники удивленно посматривали на нас. Реджина так вообще застыла на месте, провожая немигающим взглядом.

– С удовольствием, – я постаралась изобразить улыбку, хотя меня не отпускало ощущение, что с минуты на минуту произойдет какая-то гадость. – Если, конечно, это не противозаконно здесь.

Я бросила косой взгляд в сторону группки девушек во главе с той кареглазой шатенкой, что не дала мне сесть в первом ряду. Выходя из аудитории, они о чем-то шептались, оборачиваясь на нас. Алек только снова улыбнулся.

– Мне это легко сойдет с рук. – Он обернулся к Реджине и невинным тоном поинтересовался: – Джина, ты идешь? Или ты здесь останешься стоять?

На тот момент в аудитории остались только мы трое, остальные успели уйти. Реджина тут же заулыбалась, подхватила сумку и поторопилась к нам.

– Да, я бы тоже с удовольствием выпила чашку чая. Кстати, Тара теперь моя соседка.

И она неожиданно взяла меня под локоть, словно мы были подружками. Мне отчаянно захотелось выдернуть руку. За три года в Орте у меня ни с кем не сложилось настолько близких отношений, чтобы ходить под руку, но сейчас я отчаянно нуждалась хоть в какой-то компании, иначе местные снобы сожрут меня живьем и не подавятся, а я так ничего и не успею узнать. Поэтому я только выдала еще одну улыбку.

– О, здорово, – отозвался Алек, глядя больше на меня, чем на Реджину. – Надеюсь, она оказала тебе теплый прием?

– Еще какой! – бодро соврала я, заметив, что улыбка соседки успела на мгновение померкнуть. – Я даже не думала, что она будет так мила. Ты знаешь, другая могла бы огорчиться, что ей на четвертом году внезапно подсунули соседку из низов, скажем так. А Джина была сама любезность и радушие.

– Молодец!

Похвала Алека прозвучала очень искренне. То ли мне удалось очень правдоподобно соврать, то ли по части скрытого сарказма он был настоящий мастер.

– По первой лекции у тебя могло сложиться впечатление, что в Лексе учатся только высокомерные придурки, – хмыкнул Алекс, пока мы все вместе шли в направлении, как я предполагала, какой-то общей столовой. – Но на самом деле мы все разные.

Я только кивнула, продолжая старательно улыбаться. Мне казалось, что еще немного – и мышцы лица сведет в этой гримасе навсегда. К счастью, в этот момент мы наконец пришли. Больше всего это место напоминало небольшое кафе, каких хватало в Аларии. Когда мы с мамой бывали в столице, мы всегда заходили в такое выпить чашку чая или какао с пирожным или легкой закуской.

От этих воспоминаний мне в одно мгновение стало так тоскливо, что я забыла про необходимость улыбаться. Поэтому, когда мы взяли за стойкой по чашке мятного чая и сели за столик, Алек спросил:

– Все в порядке?

– Да, я просто… – я попыталась побыстрее придумать причину для помрачневшего вида. – Просто задумалась: а ректор Фарлаг всегда так читает лекции?

– Когда-то было лучше, – хмыкнула Реджина, как-то очень быстро вживаясь в образ моей подружки. – На первом курсе точно.

– Мой старший брат учился у него до того, как он стал ректором. Говорит, мировой был мужик. Веселый, общительный. Объяснял все с энтузиазмом, дружил со студентами, студентки от него млели, даже когда он женился.

Мне оставалось только изобразить на лице крайнее удивление. Мне сложно было представить этого мужчину таким, как описал Алек.

– Это его новая должность так подкосила?

– А ты не знаешь? – удивился Алек.

– Его прокляли, – шепотом сообщила мне Реджина. – Об этом все знают.

– Серьезно?

Теперь я была по-настоящему шокирована. Проклятый ректор – это странно. Еще более странно, что такой ректор именно у самого привилегированного университета нашего мира. Обычно проклятые все свое время и силы посвящают поискам возможности снять проклятие или хотя бы противостоять ему. И уж тем более они редко занимают такие… публичные должности. Но теперь хотя бы понятно напряжение группы во время лекции: считается, что близкое общение с проклятыми опасно, ибо некоторые проклятия могут переползать на других людей, как вирусы. По крайней мере, так говорят.

– А кто его проклял? И как именно?

– Вот этого никто толком не знает, хотя версий много, – грустно усмехнулся Алек, а потом посмотрел на часы. – Только расскажем мы их тебе в следующий раз. Сейчас надо поскорее допивать чай, а то опоздаем на следующее занятие. А я все-таки хотел бы кое-что узнать о тебе. Ты правда выросла на ферме?

До того, как мы допили чай и добрались до следующей аудитории, я успела немного рассказать им о нашей ферме. Алек выглядел очень вдохновленным и заявил, что я обязана пригласить его в гости. Я уклончиво пообещала однажды это сделать.

У аудитории Алек неожиданно попрощался с нами: оказалось, что Сопроводительные заклятия он не изучает, поскольку собирается специализироваться в сфере торговли, в том числе с миром людей. Он отправился на свою лекцию, а мы вошли в аудиторию, где я увидела уже много знакомых лиц. По крайней мере, в этот раз у меня не возникло проблем с тем, где сесть.

Наверное, этот перерыв с чаем и вполне обычным общением в духе Орты меня слишком расслабил. Преподаватель Сопроводительных заклятий – Родерик Арт – выглядел вполне нормальным: чуть моложе сорока, немного полноватый, с мясистыми губами. Он не производил такого угнетающего впечатления, как Найт Фарлаг, поэтому на его лекции мне было нестрашно.

И я совершила ошибку. Слушая про заклятие стазиса, которое позволяло остановить приготовление снадобья без потери качества результата, я подняла

руку и, когда преподаватель удивленно посмотрел на меня, задала вопрос, как это было принято в Орте:

– Существует ли какое-то временное ограничение для этого заклятия, после которого результат приготовления снадобья все равно будет другим из-за побочного воздействия магического потока?

По шепоткам и смешкам, раздавшимся вокруг, я поняла, что что-то сделала не так. Это подтверждало и выражение лица профессора Арта, который сузил глаза и пригляделся ко мне.

– Тара Роук, если не ошибаюсь, – презрительно констатировал он. – Я понимаю, Роук, что вы выросли в хлеву и манерам вас никто не научил. Но постарайтесь уяснить: вопросы вы будете задавать после того, как я спрошу, есть ли у вас вопросы. Если они на тот момент еще останутся.

Мои сокурсники рассмеялись, даже Реджина, которой больше не нужно было поражать Алека своим дружелюбным отношением ко мне.

А я стиснула зубы, пытаясь унять бросившееся вскачь сердце и проглотить обиду, комом вставшую поперек горла. В кои-то веки я порадовалась, что не умею плакать, потому что разреветься сейчас было бы совсем стыдно. Это только усилило бы всеобщее веселье. А хорошо знакомое печение в груди никому не было видно.

Как можно ровнее я ответила:

– Прошу прощения, профессор Арт, больше не повторится.

Он криво усмехнулся и продолжил лекцию, а я решила раз и навсегда запомнить: в Лексе я должна постоянно быть настороже. Один вменяемый парень – это еще не повод считать, что здесь учатся нормальные люди. Если даже в преподавателях и ректоре было столько высокомерия, то оно здесь явно старательно культивируется.

Один триместр. Мне нужно продержаться всего один триместр. А если выясню нужную информацию раньше, то и того меньше.

Глава 5

Выходные я посвятила изучению замка и его окрестностей. В отличие от Орты, в Лексе мне предстояло учиться, жить, развлекаться и заниматься спортом в одном здании. Огромный замок в пять этажей имел довольно внушительную основную часть и два крыла поменьше: восточное и западное, каждое из которых насчитывало по три этажа. Несколько башен поднимались вверх гораздо выше, но туда у студентов доступа не было.

В западном крыле находились апартаменты студентов и несемейных преподавателей, в восточном – некоторые аудитории, лазарет, три бальных зала, тренировочные залы для отработки приемов боевой магии, хотя желающих изучать ее здесь было не так много, спортивные залы, в том числе залы иллюзий, и даже огромный бассейн. Основные аудитории и кабинеты преподавателей находились в центральной части замка. Местами попадались небольшие кафе, вроде того, где мы пили чай с Алеком и Реджиной, в которых студенты могли отдыхать, общаться и перекусывать между занятиями. Никакой большой общей столовой, как в Орте, не было, завтраки, обеды и ужины подавались к определенному времени прямо в наши гостиные. Реджина в пятницу даже снизошла до того, чтобы объяснить мне, как можно заказывать и блюда, и время их подачи: для этого у нас в комнате лежала специальная книга, в которую мы вписывали заказ.

– Он идет на кухню, там его принимают к исполнению. Предупреждаю сразу, могут заменять ингредиенты, так что если ты что-то категорические не переносишь, внеси этот продукт сюда, – она открыла книгу на первой странице. – Чтобы они тебе его не положили.

Я с детства привыкла есть, что дают, поэтому в первый момент растерялась, не зная, что заказать себе на следующий день. Что вообще можно заказывать? В конце концов я ограничилась стандартными блюдами, которые чаще всего подавали в Орте. И проверив время, в которое собиралась завтракать, обедать и ужинать моя соседка, сдвинула свои трапезы на час раньше, чтобы лишний раз не раздражать ее своей компанией. И не раздражаться самой. У меня не было ни времени, ни сил на противостояния и борьбу за место под солнцем.

Территория вокруг замка поражала размерами. В отличие от Орты, обнесенной стеной, Лекс искусственно не отгораживался от мира. Наверное, потому что находился в долине, окруженной горами со всех сторон, которые служили естественной защитой. В Орте я всегда чувствовала себя немного неуютно из-за ограниченности пространства, но здесь мне стало неуютно по другой причине. Я вдруг поняла, что попасть сюда можно только порталами, а если с ними что-то случится, мы окажемся отрезанными от мира.

Но сейчас порталы работали, и волноваться об этом не имело смысла, поэтому я предпочла любоваться красотой вокруг. Я никогда не видела таких гор: огромных, темных, величественных, и потому замирала от восторга, глядя на их остроконечные вершины и понимая, какая же я крошечная по сравнению с ними. Из-за горного кольца солнце освещало долину не весь день, что задерживало наступление весны, но окружавший замок сад все равно обещал в скором времени наполниться цветочными ароматами и яркими красками. Сад плавно перетекал в парк, а тот – в почти дикий лес. Гуляя в первый выходной день, я наткнулась на пруд, который чем-то напомнил мне тот, что находился недалеко от нашей фермы. Я купалась в нем все детство. По парку то здесь, то там были разбросаны небольшие коттеджи для преподавателей с семьями.

Алека я за выходные не видела ни разу, но, к счастью, практически не пересекалась и с другими однокурсниками. Это позволяло мне облегченно выдохнуть, а одиночество я переносила прекрасно. Когда растешь на уединенной ферме без братьев и сестер и с отцом, который большую часть времени с трудом тебя терпит, быстро учишься вести себя незаметно и сама себя развлекать.

У меня не было четкого плана действий. Ближайшую неделю я собиралась потратить на изучение обстановки и поиски будущего наставника, которого следовало найти, чтобы не вылететь отсюда. В глубине души я надеялась, что среди моих преподавателей окажется кто-нибудь, кто преподавал в Лексе и двадцать лет назад и мог знать мою маму. Если бы удалось заполучить себе такого наставника, это дало бы мне шанс что-то о ней узнать. Правда, после общения с ректором Фарлагом и профессором Артом этот вариант уже не выглядел правдоподобным. Если кто-то здесь и согласиться стать моим наставником, едва ли у нас сложатся доверительные отношения.

Понедельник начался неплохо: на первой лекции преподаватель вообще не обратил на меня никакого внимания, а однокурсники то ли потеряли ко мне

интерес, то ли не до конца проснулись, но никто меня не трогал и не оскорблял. В моей ситуации это уже можно было счесть за везение.

Однако везение закончилось неожиданно, после второй лекции. Стоило мне выйти из аудитории, как передо мной махнула крыльями крошечная фея и бросила мне сложенную пополам записку. Как и всегда, в полете записка увеличилась до нормальных размеров и аккуратно легла мне на подставленную ладонь.

«Госпожа Роук, вам надлежит немедленно явиться ко мне в кабинет».

Записка была подписана «Ректор Фарлаг», из-за чего у меня болезненно закололо в груди. А ведь день так славно начинался!

Ослушаться я, конечно, не осмелилась, поэтому поторопилась в ректорский кабинет, надеясь, что Фарлаг не задержит меня надолго и я не опоздаю на третью лекцию.

Постучавшись и дождавшись лаконичного: «Войдите», я толкнула дверь и замерла у порога, замечая, что ректор не один.

– Вы меня вызывали, сэр?

Мужчина, сидевший в кресле посетителя, которых сегодня перед столом ректора оказалось два, повернулся ко мне. Только тогда я его узнала: это был Рон Кобал, какой-то старинный знакомый мамы. Он иногда бывал у нас в гостях, я помнила его с раннего детства, но последний раз видела лет пять назад.

– Тара, дорогая! – он подскочил с кресла и обнял меня, крепко прижав к груди, насколько позволял довольно объемный живот. На его лысине сверкали капельки пота, несмотря на то, что в ректорском кабинете, как и почти везде в Лексе, было довольно прохладно.

Я смущенно отстранилась, краем глаза заметив, что Фарлаг недовольно поморщился от пронзительного восклицания и помассировал пальцами висок.

– Господин Кобал, – довольно резко окликнул он, – я пошел вам навстречу и разрешил увидеться с госпожой Роук в непредназначенное для этого время, но не надо злоупотреблять моей добротой. Госпожа Роук, сядьте.

Он взглядом показал мне на второе кресло. Я поспешно выполнила его указание, гадая, что могло привести господина Кобала ко мне. Это могло быть только что-то очень важное, иначе ректор велел бы ему дожидаться дня, в которые обычно выдавалось разрешение на посещение Лекса.

Кобал сел на свое место, на его лице появилось печальное выражение.

– Тара, во-первых, прими мои искренние соболезнования по поводу смерти твоей мамы. К сожалению, я был за Занавесью, когда это случилось, и не знал про похороны.

Я почувствовала, что на грудь мне словно положили тяжелый камень и меня придавило им, пришлось потрудиться, чтобы сделать вдох. Так происходило постоянно, стоило мне вспомнить о маме. А еще я почувствовала внимательный взгляд ректора, но усилием воли заставила себя не поворачивать голову в его сторону.

Господину Кобалу я только кивнула в знак благодарности, и он продолжил:

– Когда-то давно твоя мама отдала мне на хранение… шкатулку, скажем так. Уж не знаю, почему она не хотела хранить это дома, я не заглядывал внутрь, как она просила. Но я подумал, что теперь… когда ее не стало, ты имеешь право получить ее.

Он взял со стола ректора сверток, который положил туда, очевидно, перед тем как я пришла, и протянул его мне. Если это была шкатулка, то довольно необычной формы: широкая и плоская. К тому же я никогда не видела, чтобы шкатулки заворачивали в плотную коричневую бумагу. Любопытство разрывало меня на части, хотелось немедленно вскрыть упаковку и посмотреть, что внутри, но мне не хотелось делать это при посторонних. Поэтому я положила сверток на колени и лаконично поблагодарила Кобала.

Тот снова горестно покивал, а потом внезапно заметил:

– Гэб очень удивлен твоим решением перевестись в Лекс. Да и я тоже. А как же свадьба? Неужели твой жених будет ждать целый год?

Я вздрогнула, физически ощущая удивление Фарлага. Его взгляд прожигал мне щеку. Пришлось с силой сцепить пальцы рук и надеяться, что ответ прозвучит спокойно и уверенно:

– Свадьбы не будет, господин Кобал. Если я когда-нибудь и выйду замуж, то только за того, кого выберу сама. А не мой отец или кто-либо еще.

Кобал вздохнул и снова активно закивал, на этот раз согласно и сочувственно, а потом торопливо поднялся на ноги.

– Что ж, не буду более задерживать тебя и господина ректора. Благодарю за возможность встретиться с Тарой, – эти слова он уже адресовал Фарлагу.

Тот в ответ только лениво опустил ресницы, я даже кивком это не смогла бы назвать. Кобал направился к двери, и я тоже встала, намереваясь последовать за ним, но ректор остановил меня:

– Роук, сядьте. Я вас не отпускал.

Я обреченно опустилась обратно в кресло, стараясь сохранять спокойствие. Когда за Кобалом закрылась дверь, Фарлаг поинтересовался:

– Я надеюсь, вы перевелись в Лекс не для того, чтобы спрятаться здесь от неугодного жениха?

– Нет, сэр, – поспешно ответила я, выдерживая его взгляд.

– Кстати, чем вам не угодил жених?

Он сверлил меня взглядом из-под полуопущенных ресниц, поглаживая пальцами небритый подбородок. Его вопрос меня удивил, потому что я не представляла, по какой причине ректору Лекса это может быть интересно. И все же мне не хотелось испытывать его терпение, поэтому я постаралась ответить максимально лаконично и максимально честно:

– Я его не люблю, сэр.

– Считаете, что в брак надо вступать по большой любви? – презрительно хмыкнул Фарлаг.

А я только сейчас осознала, что на его руке нет обручального кольца, хотя Алек упоминал, что он женат. Или был женат? Может быть, развелся или овдовел? Жена могла бросить его после того, как он попал под проклятие.

– Честно говоря, сэр, я вообще не уверена в том, что в брак так уж необходимо вступать.

Его глаза снова немного сузились, что, как я уже поняла, у него означало смесь удивления с недоверием, а потом он махнул рукой и велел:

– Идите.

Я торопливо сорвалась с места и бросилась к двери, пока он не передумал, но все равно не успела. Его оклик настиг меня еще до того, как я коснулась блестящей позолотой ручки.

– Тара!

Сердце ухнуло куда-то вниз и забилось в животе, когда я замерла и медленно обернулась к нему. С чего ему вдруг называть меня по имени?

– Да, сэр?

– Я не знал, что у вас умерла мать, – неожиданно изрек он, глядя почему-то не на меня, а на сверток, который я прижимала к груди. – Мне… очень жаль.

Я не совсем поняла, о чем он жалеет: о том, что я осталась без матери, или о том, что он об этом не знал. Может быть, он имел в виду, что если бы знал, вел бы себя иначе во время собеседования? В любом случае я смогла ответить только одно:

– Мне тоже. Сэр.

* * *

Как бы сильно сверток ни жег мне руки, выскочив из кабинета ректора, я побежала к аудитории, где должна была проходить следующая лекция. Сверток я засунула в сумку и всю лекцию думала о нем, с трудом записывая за преподавателем, но при этом почти ничего не понимая.

Когда лекция закончилась, меня уже разрывало на части от любопытства. Сил терпеть не осталось, поэтому вместо того, чтобы идти в свою комнату, я добежала до ближайшего кафе, взяла за стойкой чашку чая и забилась в самый угол. К счастью, в зале в это время сидели только трое молодых людей, кажется, даже с моего курса. Они то ли прогуливали предыдущую лекцию, то ли у них ее вовсе не было, на меня никто из них внимания не обратил.

Достав сверток из сумки, я нетерпеливо сорвала плотную бумагу. Это была никакая не шкатулка. В моих руках оказалась жестяная плоская коробка, в какой продаются конфеты или печенье. С замиранием сердца я осторожно открыла ее, толком не понимая, почему так волнуюсь. Наверное, просто потому, что это был кусочек маминой жизни, которую я не знала. Которую она прятала.

Внутри коробки лежали карточки, какие люди обычно посылают друг другу на праздники, стопка сложенных листов, перехваченных лентой, еще какие-то бумажки, маленький засушенный букетик мелких цветов, простенькое ожерелье из крошечных стеклянных бусин похожих на застывшие капельки росы, бережно спрятанное в мешочек из мягкой ткани, обгоревший небольшой портрет и даже выцветшая обертка от шоколадки.

Я вытащила из-под ленты один сложенный вдвое листок и развернула его. Немного корявым почерком на листе было выведено:

«Моя дорогая Д! Я так соскучился! Хоть мы и видимся каждый день, меня мучает, что я не могу к тебе прикоснуться. Пожалуйста, приходи сегодня ночью к пруду. Мне так не хватает твоих губ! Твой А.»

Мою маму звали Дария, значит, эта «любовная записка», которая заставила меня поморщиться, адресовалась ей. А этот «А» был, по всей видимости…

Громкий смех и гул сразу нескольких голосов, ворвавшиеся в кафе, заставили меня вздрогнуть, быстро сложить листок и поднять взгляд на вошедшую группу девушек. Среди них была хорошо знакомая мне смуглая шатенка с моего курса. Я уже знала, что ее зовут Сара Моргенштерн и она местная звезда. К счастью, девушки набрали себе пирожных, взяли чай и уселись за большим столиком, ни разу не взглянув на меня.

Я облегченно выдохнула и вернулась к изучению содержимого коробки. Мое внимание привлек еще один листок с оторванным краем. Даже не краем… Скорее, сам листок был «оторванным краем», потому что до целого ему не хватало примерно две трети. А на сохранившейся трети шло перечисление ингредиентов какого-то снадобья. Я не смогла определить, какого именно, да и список был неполным. Я решила, что надо будет заняться изучением ингредиентов и комбинаций по справочникам, чтобы определить, что это такое могло быть. Ведь зачем-то мама хранила этот обрывок?

Пока я отложила его и уже собиралась рассмотреть частично обгоревший портрет, когда почувствовала рядом с собой движение. Я хотела захлопнуть коробку, но было слишком поздно: один из парней выдернул ее прямо из-под моего носа. Так резко, что часть содержимого разлетелась по полу.

– Так-так-так, что у нас тут, Роук? – спросил он, призывая к себе с пола связку записок.

Я тоже торопливо пробудила магический поток и, ощутив его приятное тепло, направила в призывающее заклятие. То, что еще никто не успел поднять, сразу оказалось в моих руках, но письма и саму коробку держал другой маг, и забрать их призывом у меня не было шансов.

Парень швырнул коробку своему другу, чтобы освободить руку. Тот презрительно покрутил ее и издевательски поинтересовался:

– Это у бедных вместо шкатулок такие?

Я стиснула зубы, краем глаза замечая, что Моргенштерн взирает на все это со снисходительной ухмылкой. Кажется, ей нравилось наблюдать за моей беспомощностью. Возможно, именно ради этого взгляда парни ко мне и пристали, потому что еще пару минут назад я для них вообще не существовала.

– Отдай сюда, – как можно спокойнее потребовала я, протягивая руку за письмами. Я старалась не выказывать страха и огорчения, понимая, что именно ради этого все затевалось.

– Нет, подожди, нам интересно, что там, – усмехнулся первый парень, разворачивая одно из писем, а потом принялся читать его вслух: – Дорогая Д! Это была чудесная ночь… О, как интересно… Я думаю о тебе весь день и мечтаю снова прикоснуться к твоим губам. Твой А. – Он поднял на меня насмешливый взгляд и поинтересовался: – Почему «Д»? Это у вас какая-то игра? Прозвище? Кому ты так хорошо сделала ночью, что он думал о тебе весь день? А мне так сделаешь?

Я резко метнулась к нему, пытаясь выхватить письма, но он проворно сделал шаг назад и бросил первую записку на пол. Я поспешно призвала ее, но парень уже вытаскивал вторую, собираясь зачитать вслух и ее. И хотя эти записки не были адресованы мне, я испытывала странную смесь стыда и злости. Оба чувства были так сильны, что хотелось швырнуть в однокурсника каким-нибудь боевым заклятием, чтобы вырубить его. Я никогда не обучалась им специально, но несколько знала. Однако применение таких заклятий против соучеников наказывалось и в Орте. Я полагала, что здесь меня за это тоже по головке не погладят.

Парень продолжал медленно отступать назад, увеличивая расстояние между нами, пока доставал и раскладывал следующую записку, и решение родилось в моей голове молниеносно, я даже не успела его как следует обдумать.

Я направила магический поток, развязывая шнурки на его ботинках и связывая их между собой. Не успев прочитать очередное «дорогая Д», парень запнулся и повалился назад, нелепо взмахнув руками и выронив письма, которые я тут же призвала к себе.

Моргенштерн и ее подруги рассмеялись. Даже приятели парня расхохотались, а я, пользуясь тем, что они все отвлеклись, призвала к себе сумку и засунула все

бумажки туда. Это можно было бы считать маленькой победой, но назревала другая проблема: мой разъяренный оппонент уже поднялся на ноги и перезавязал шнурки аналогичным заклятием. Судя по степени красноты его лица, он собирался убить меня на месте.

– Фермерская дрянь, – прорычал он, шагая ко мне, но в этот момент со стороны входа раздался грозный оклик:

– Дорн, оставь ее в покое!

Парень по имени Дорн замер и обернулся на Алека, который уверенно шел ко мне. Злость его только распалилась, но он сделал шаг назад.

– Что значит «Д» я так и не понимаю, но, кажется, стало ясно, кто такой «А», – выплюнул он, презрительно скривившись.

Алек, конечно, ничего не понял, но подошел ко мне, ободряюще улыбнулся, а потом снова посмотрел на Дорна.

– Шли бы вы, – миролюбиво предложил он.

– Как скажешь, Прайм, – сдался Дорн, но при этом бросил на меня такой взгляд, что я поняла: с этого дня в Лексе один человек уже не презирает меня, а искренне ненавидит.

Когда Дорн и его приятели ушли, я подняла с пола коробку, брошенную ими, чувствуя, что от пережитого бешено колотится сердце и слегка кружится голова. Если мне придется участвовать в таких стычках регулярно, я просто не смогу нормально учиться. Мои пальцы мелко дрожали, а для приготовления снадобий дрожащие руки – самый большой враг.

– Ты в порядке? – Алек коснулся моего плеча.

Наверное, я просто сильно перенервничала, потому что дернулась и отскочила от него, словно он меня ударил, а не коснулся. Я вообще не любила, когда меня трогают, а в таком состоянии каждое нарушение моего личного пространства казалось мне угрозой.

– Нормально все.

Жжение в районе солнечного сплетения сделало мой голос хриплым и не очень-то приветливым. По огорченному выражению на лице Алека я поняла, что моя реакция его расстроила. Поэтому я попыталась взять себя в руки и уже спокойнее поинтересовалась:

– Почему он тебя послушался?

На губах Алека появилась немного смущенная улыбка.

– Потому что я выше его по статусу. Он из новой элиты, а я из старой аристократии.

Я кивнула, сделав вид, что поняла, хотя на самом деле я не очень-то разбиралась в этом. Относительно меня они все находились одинаково высоко, но я понимала, что между ними тоже существует своя иерархия.

– Это, наверное, тоже твое.

Алек присел, поднял с пола обгоревший портрет и протянул его мне. Я поблагодарила и посмотрела на то, что сохранилось на изображении. Молодая девушка стояла на фоне смутно знакомого дома, за плечи ее обнимал мужчина в мантии, наброшенной поверх костюма. Вот лицо мужчины не сохранилось: его уничтожил огонь. Молодой девушкой была моя мать, хоть я и не сразу ее узнала, поскольку не видела раньше ее портреты в таком возрасте. Внизу я разглядела дату: этот портрет был сделан двадцать один год назад. Очевидно, незадолго до моего зачатия.

– Кто это? – спросил Алек с интересом.

– Моя мама, – призналась я, продолжая разглядывать портрет.

– О, так она училась тут?

Я удивленно посмотрела на него. Интересно, как он это понял по портрету? Просто из-за мантии преподавателя?

Верно расценив вопросительное выражение на моем лице, Алек пояснил:

– Портрет сделан на фоне одного из домов, в каких тут живут некоторые преподаватели. Видимо, твоя мама была дружна с кем-то из них.

Я почему-то подумала про Таню Ларину, благодаря которой попала в Лекс. Про нее тоже раньше так говорили: мол, она дружна с профессором Норманом. А потом они поженились.

Вот только у профессора Нормана, «сдружившегося» со студенткой, не было обязательств перед другой женщиной, а в таких домах живут семейные преподаватели. И если моя мама «дружила» с одним из них, то вполне понятно, почему письма они писали друг другу, сокращая имена до одной буквы. И почему потом она была вынуждена с ребенком выйти замуж за фермера.

Теперь направление, в котором мне стоило искать, несколько прояснилось: выяснить, какие занятия посещала мама, и у кого из ее преподавателей имя начиналось на «А».

Глава 6

Задача казалась простой, но в то же время в моей ситуации была практически невыполнимой. Во-первых, я не представляла, где может храниться такая информация. Во-вторых, я едва ли смогла бы ее получить, просто спросив. Конечно, можно было попробовать прийти к ректору Фарлагу и задать ему прямой вопрос. Мне показалось, что узнав о смерти моей матери, он испытал нечто похожее на сочувствие. Возможно, это сочувствие позволило бы ему пойти мне навстречу. Если бы не одно «но». Мне пришлось бы объяснить ему, что я здесь ищу своего отца. И считаю, что это кто-то из преподавателей мамы, очевидно, имевший на тот момент семью. А как это называется? Правильно, это называется «скандал». И едва ли ректор Лекса захочет помогать мне ковыряться в этом скандале. Ему проще меня отчислить, чего он и так жаждет.

К тому же я просто его боялась. Видимо, сильнее, чем профессора Нормана, потому что к тому я не постеснялась обратиться за помощью.

И в этот раз я тоже решила, что обратиться к тем, кто уже однажды помог мне, будет проще. Во вторник утром я написала письмо Тане Лариной и поинтересовалась, где в университете может храниться интересующая меня информация. Едва ли документация Орты могла сильно отличаться от принятой в Лексе, ведь они регулировались одними и теми же законами и правилами.

Весь остальной день я потратила на изучение преподавательского состава Лекса. К счастью, этой информацией университет гордился, а потому она была общедоступной. Теперь все преподаватели, кто работал здесь больше двадцати лет, интересовали меня не только как потенциальные источники информации. От мысли о том, что один из них может оказаться моим родным отцом, у меня перехватывало дыхание.

Всего среди преподавательского состава нашлось восемь человек, преподававших здесь уже больше двадцати лет. И одна преподавательница была здесь то ли ассистентом, то ли аспирантом в то время, а потом осталась работать, но она интересовала меня меньше всего.

Больше всего меня заинтересовал Саймон Блэк, который оказался среди моих преподавателей, так как вел практические занятия по снадобьям. Это было отличной новостью, поскольку позволяло надеяться, что мне удастся с ним найти общий язык. В практических снадобьях я была достаточно хороша. По крайней мере, по меркам Орты.

Однако практические снадобья меня ждали только в четверг, а ответ от Тани пришел во вторник вечером. Она писала, что проще всего найти такую информацию, получив доступ к личному делу студента. Там должна была храниться информация по посещаемым предметам, оценкам, названиям письменных работ. В том числе там указывали и фамилии преподавателей, которые вели курсы.

«В Орте актуальная информация (за последние пять лет) хранится в кабинете ректора, – писала Таня. А все, что старше, – в архиве, в библиотеке, но попасть туда можно только в сопровождении преподавателя. Ян сказал, что еще такой архив иногда хранится в учебной части».

Проще всего мне было проверить учебную часть: я еще решала некоторые организационные моменты и часто заходила туда. В среду я нашла удачный

предлог и, против обыкновения, не стояла перед столом сотрудницы, скромно потупив взгляд, а внимательно оглядывалась по сторонам. Когда со мной закончили, а у стола сотрудницы удачно столпилось несколько студенток, кажется, с первого года обучения, я даже осмелела настолько, чтобы отойти к стеллажу, который я смогла заподозрить в том, что он является архивом. Однако, судя по табличкам, там оказалась только документация, связанная с текущим учебным процессом.

Оставались библиотека и кабинет ректора.

В четверг меня ждала возможность познакомиться с нашим преподавателем практических занятий по снадобьям. Надо сказать, что такой подход к организации рабочего процесса, когда лекции вел один преподаватель, а практические занятия – другой, меня несколько удивил. В Орте все занятия по Снадобьям вела профессор Карр, у нас вообще не было отдельных лекций, мы всегда занимались в лаборатории.

Мы собрались тем же составом, каким присутствовали в пятницу в аудитории, и впереди нас ждали четыре часа практических занятий, что всегда было сложнее. Снадобья пятого, самого высокого уровня, которые изучались на последнем курсе, требовали особенной сосредоточенности, поскольку ошибиться при их приготовлении было легко, а вот последствия это могло иметь самые тяжелые. Тем не менее в лаборатории царила довольно расслабленная атмосфера, гораздо более расслабленная, чем перед лекцией.

Или это просто я чувствовала себя спокойнее, потому что за соседним столом собирался работать Алек, а через один стол от него – Реджина, которая в его присутствии неизменно вела себя очень дружелюбно?

На этот раз при появлении преподавателя тихие шепотки и посторонние разговоры не смолкли, что меня несколько удивило. На других занятиях дисциплина в Лексе была железной. Вероятно, дело было в профессоре Блэке: он показался мне совсем пожилым, старше моего прежнего ректора, и довольно мягким. Во всяком случае, о тишине он нас ненавязчиво просил минут пять.

– Я рад приветствовать вас на своем курсе, – сообщил он, когда гомон студентов наконец улегся. – В этом году нас ждет много интересного. Вы научитесь не только изготавливать снадобья высшего порядка, но и улучшать рецептуру

более простых снадобий, а также создавать собственные варианты. К вашим услугам будут самые разнообразные ингредиенты, в том числе довольно редкие. А в качестве годового проекта вы сможете выбрать практически любое существующее снадобье.

– Почему практически? – внезапно поинтересовался Алекс.

И то ли на него правило «в Лексе не задают вопросов, пока преподаватель не спросит, есть ли они» не распространялось, то ли оно просто не действовало в лаборатории профессора Блэка.

– Ну, потому что при переселении за Занавесь мы лишились многих биологических видов, вроде драконов, русалок, василисков или химер. Соответственно нам более недоступны ингредиенты вроде когтей, чешуи, зубов, слез, пота, крови, волос и прочих их частей, – улыбнулся профессор. – А стало быть снадобья, дарящие полный контроль над человеком, вечную молодость или безграничную удачу, вы не сможете взять в качестве объекта исследования. Не будет возможности выполнить практическую часть по его приготовлению.

– Ах, как жаль, – жеманно протянула Реджина, – от вечной молодости я бы не отказалась.

– Никто бы не отказался, госпожа Морт, – хмыкнул профессор, внезапно впадая в прострацию.

Он молчал, наверное, добрых десять минут, глядя куда-то в пустоту и едва заметно раскачиваясь взад-вперед. Судя по тому, что студенты спокойно сидели на местах, разговаривали друг с другом и никто не пытался понять, что происходит, подобное происходило и раньше.

Через какое-то время преподаватель вздрогнул, словно очнулся, и, уже почти не обращая внимания на нас, сделал движение рукой в сторону доски. Там в считанные секунды появился довольно сложный рецепт снадобья, сопровождающийся к тому же не до конца понятным мне по исполнению заклятием. К теме лекции, прочитанной Фарлагом, рецепт не имел никакого отношения. И сопровождающее заклятие тоже не совпадало с тем, что мы изучали на лекции у профессора Арта.

Однако все принялись за работу, включая преподавателя. Профессор Карр редко готовила с нами. Либо она показывала нам, как это делается, тогда мы только смотрели, либо готовили мы, а она внимательно наблюдала, чтобы мы ничего не перепутали. Профессор Блэк не обращал на нас никакого внимания.

Мне ничего не оставалось, как заняться снадобьем. К счастью, с практикой у меня всегда было лучше, чем с теорией. Мама варила снадобья сама, а не заказывала у профессионалов. Я помогала ей с самого детства, и многие знания жили в моей голове как некие аксиомы, которые я сама до конца не понимала, а просто… знала. Я не всегда могла объяснить, почему я что-то делаю, но ошибалась редко.

А вот у Алека, варившего снадобье рядом, с практикой было не очень хорошо. У Реджины шансов сделать все правильно не было вообще: она так трясла над посудой своими роскошными волосами, что наверняка в основу упал уже не один и не два. Именно поэтому я всегда собирала волосы в тугой пучок на затылке.

И все же когда я дошла до заклятия, поняла, что мне с ним не справиться. Поскольку другие студенты не стесняясь переговаривались друг с другом, я повернулась к Алеку, надеясь, что он мне поможет. И тут он взял баночку со спорами красного папоротника, которые я сама положила минутой ранее, и зачерпнул ее мерной ложкой. Мерной ложкой, в которой помещалось не менее пяти, а скорее около семи грамм! Тогда как по рецепту требовалось положить один. Споры красного папоротника были очень токсичны и могли отравить пар снадобья даже в нормальном количестве, из-за чего рекомендовалось класть их в самом конце, уже после выключения горелки. Алек горелку не выключил.

– Эй, стой-стой! – воскликнула я, метнувшись к нему. – Замри!

Алек испуганно замер с мерной ложкой в руках, глядя на меня вопросительно. Реджина и еще несколько однокурсников, занимавшихся рядом, тоже повернулись к нам.

– Горелку выключить, споры отсыпать, – я ткнула указательным пальцем сначала в направлении его стола, потом – доски.

– Действительно, Прайм, – хмыкнула Моргенштерн, глядя на него через плечо. – Фермерша дело говорит. Сейчас бы наглотался дыма и еще неделю кашлял

кровью. Пришлось бы обойтись без вечеринки.

– О, где были мои глаза, – Алек положил мерную ложечку и придвинул к себе весы. – Я думал, нужна одна мера, а не один грамм. Спасибо, Тара.

– Да не за что, – отозвалась я. – С заклятием этим не поможешь?

Он честно попытался, но и сам толком не знал, как его применить. Так что в итоге снадобье не получилось ни у него, ни у меня. Ни у кого. Кроме преподавателя, конечно. Тот покачал головой и с грустью сообщил:

– Жаль… Что ж… У вас будет вторник для самостоятельных занятий. Попробуете еще раз и принесете мне результат в следующий четверг.

И на этом он просто… ушел.

– Что все это значит? – недоумению моему не было предела.

– Не обращай внимания, – отмахнулся Алек, убирая свое рабочее место. – Он у нас немного… странный. Иногда нормально, а иногда его вот так переклинит… тогда все бесполезно. Одно хорошо: ректор такие моменты как-то отслеживает, так что завтра все объяснит.

– Как-то это не очень эффективно, – пробормотала я.

– Да, наверное, – Алек улыбнулся. – Не грусти. Лучше приходи ко мне в пятницу на вечеринку.

Я почувствовала, как мои брови сами собой поползли вверх. В Орте было два вида праздников: официальные, которые отмечались всеми студентами в бальном зале, и неофициальные, которые отмечались в общих гостиных. О том, чтобы какой-то студент устраивал вечеринку, не могло быть и речи. Впрочем, у нас не было и апартаментов.

– В синем зале. В пятницу, в семь вечера. Придешь? Обе приходите, – поспешно добавил он, когда рядом со мной неожиданно оказалась Реджина, едва не взявшая меня под руку.

– Конечно, Алек, мы придем, – заверила его Реджина за нас обеих.

А я не осмелилась возразить, хотя и подозревала, что на той вечеринке мне едва ли будет весело.

Но все оказалось куда интереснее, чем я ожидала.

* * *

– Ты собралась идти в этом?

На лице Реджины отразился такой ужас, словно я надела на вечеринку к Алеку ночную рубашку, хотя я стояла перед ней в нормальном платье. В меру нарядном, в меру удобном, из простой ткани, но красивого синего оттенка, который, как говорила мама, мне очень идет.

– А что такое? – я даже не заметила, как обняла себя руками, словно пытаясь спрятать платье от ее пылающего праведным гневом взгляда.

Сама Реджина была одета в приталенное платье красивого красного – не яркого, а несколько приглушенного – оттенка с достаточно смелым вырезом спереди, открытой спиной и без рукавов. Оно доходило ей почти до колена и подчеркивало все достоинства фигуры. Платье выглядело просто, элегантно, но при этом – безумно дорого. И, конечно, гораздо шикарнее моего.

– Слушай, мы идем на вечеринку Прайма, – с нажимом произнесла Реджина, но заметив, что эти слова не произвели на меня должного впечатления, закатила глаза. – Древние боги, как же непросто, оказывается, бывает с простолюдинками.

Острое желание никуда не ходить, а остаться в своей спальне, наверное, заметно отразилось на моем лице, потому что Реджина скомандовала:

– Стой здесь и никуда не уходи.

Она на пару минут скрылась в своей комнате и вышла оттуда с платьем в руках.

– Держи, – она кинула его мне. – Позапрошлый сезон, но тебе должно подойти. У нас с тобой размер почти одинаковый.

Да, только я была немного выше. Я смотрела на платье из мягкой ткани, но при этом похожее на золотистую змеиную кожу, и не понимала, с чего вдруг Реджина так расщедрилась, но она властно велела переодеться, пробормотав что-то вроде:

– Буду я еще с тобой там позориться.

Похоже, на вечеринке ради одобрительного взгляда Алека Прайма она планировала время от времени изображать мою подругу, поэтому не хотела видеть меня рядом с собой в простом платье.

Я не стала спорить. Раз уж я решилась влезть в их мир ради достижения своих целей, следовало хоть немного соответствовать. Может быть, со временем они привыкнут ко мне и перестанут доставать? Я бы тогда смогла сосредоточиться и на учебе, и на поисках родных.

Платье село почти идеально. Может быть, местами несколько туже, чем было предусмотрено его создателем, и оказалось несколько короче задуманного. Реджине оно, скорее всего, прикрывало колени, а у меня поднималось немного выше, но это не портило общий вид. К счастью, верх у платья был гораздо скромнее, чем у того, в котором собиралась идти моя соседка: рукава, хоть и очень короткие, все же присутствовали, а вырез-лодочка прикрывал даже ключицы.

Когда я вышла из комнаты, Реджина одобрительно кивнула.

– Так гораздо лучше. Может, хоть волосы распустишь? Или так и будешь ходить с этим убогим пучком?

Я не считала пучок убогим, поэтому распускать волосы не стала. Лишь слегка подкрасила губы и добавила каплю духов, которые Реджине внезапно даже понравились.

– Идем уже, – проворчала она, почему-то заметно смутившись. Как будто считала для себя унизительным тот факт, что ей во мне хоть что-то понравилось.

В ее голосе и движениях чувствовалось нетерпение. Тонкие каблуки туфель так резво стучали по каменным плитам полов, что у меня от этого звука заболели уши. Не знаю, как Реджина, а я в своем платье в прохладных мрачных коридорах мгновенно замерзла.

К моему удивлению, Реджина повела меня в восточное крыло, к одному из бальных залов. Только когда мы пришли, я поняла, что «синий» – это название одного из них, самого маленького. Относительно остальных. Сейчас он был украшен разноцветными светящимися шарами, которые подсвечивали синие драпировки, и многочисленными свечами, мерцающими в полутьме. С потолка лилась негромкая музыка, на небольшом танцполе уже кружились несколько пар. Вдоль стен стояли столики с закусками, а вокруг сновали… официанты, разносящие крошечные канапе, корзиночки с начинками и бокалы с напитками.

Небольшая личная вечеринка Алека Прайма в Лексе по своей шикарности могла поспорить с большим официальным праздником в Орте. Только народу было меньше. Кажется, с четвертого года обучения были приглашены не все, зато были студенты, которых я не знала даже в лицо. Еще я заметила несколько преподавателей и даже – к собственному ужасу – ректора. Тот со своим обычным мрачным видом мелькнул в дальнем конце зала и исчез.

К нам моментально подошел Алек в костюме, который выглядел куда лучше обычного студенческого, а следом за ним приблизился официант с высокими тонкими бокалами на подносе.

– Я вас очень рад видеть, – Алек улыбнулся нам обеим, но взгляд почему-то задержал на мне. – Вы волшебно выглядите.

– Спасибо, – тут же откликнулась Реджина, улыбаясь так ослепительно, что я ей искренне позавидовала. Я так не умела. – Вечеринки Праймов – лучшее развлечение в Лексе, приходится соответствовать.

Косой взгляд на меня, очевидно, был брошен, чтобы посмотреть на мою реакцию. А я уже поняла, что была абсолютно неправа и испытала искреннюю благодарность Реджине. Если бы я пришла сюда в своем платье, мне бы

пришлось сразу уйти, потому что с тем же успехом я могла бы прийти на этот светский раут и в ночнушке.

Алек взял с подноса два бокала игристого вина и предложил нам. Реджина с удовольствием взяла, а я отказалась. Алкоголь я впервые попробовала в Орте еще в первый год обучения на Приветственном балу и быстро поняла, что мне не стоит с ним заигрывать. Алеку пришлось оставить второй бокал себе.

Реджина какое-то время нахваливала декор, вино и прочую организацию, а потом потащила Алека танцевать, и я осталась одна. Танцевать я толком не умела, поэтому пошла бродить по залу, но очень быстро мне это надоело. Я всюду натыкалась на неодобрительные, а порой и откровенно агрессивные взгляды. Сокурсники смотрели на меня, словно оценивали, а потом демонстративно поворачивались спиной. Никто ни разу не сказал мне дурного слова, но посыл я чувствовала очень остро: тебе здесь не место. И это при том, что ни Дорн, ни Сара Моргенштерн здесь не присутствовали.

Алека я быстро потеряла из вида, а потому вскоре задалась вопросом, что я вообще здесь делаю и не стоит ли вернуться к себе. В конце концов, с Реджиной я появилась, она должна быть довольна. Алеку на глаза показалась, он тоже должен быть доволен.

На мое счастье, в дальнем конце зала нашлось небольшое помещение, отделенное от основного пространства портьерами, за которыми музыка почти стихала, словно на них было наложено приглушающее звуки заклятие. Ни свечи, ни шары это место не освещали, мрак развевали только лунный свет и тот, что проникал из зала через щель в портьерах. Главное – здесь не было неприветливых взглядов, зато почти во всю стену тянулось большое окно, через которое открывался чудесный вид на западное крыло замка, построенного полукругом. Там, в апартаментах студентов и преподавателей, в окнах горел свет, и на фоне темного камня эти теплые желтые пятна выглядели очень красиво. Я подошла к окну, любуясь этой картиной, а потом прижалась лбом к прохладному стеклу, внезапно понимая, что голова словно горит огнем.

И только через пару мгновений я почувствовала запах сигаретного дыма и заметила движение за своей спиной. Резко обернувшись, я встретилась взглядом с ректором Фарлагом, который сидел в кресле. На половину кресла – и как следствие, его лица – падал свет из зала, но его было мало. Глаза ректора снова казались почти черными. У его лица на мгновение вспыхнул красный огонек, а

потом опустился к подлокотнику, остававшемуся в тени. Сразу стало понятно, откуда взялся запах сигаретного дыма. На другом подлокотнике стоял стакан с коричневой жидкость и парой крупных кубиков льда. Ректор молча скользил по мне взглядом, я тоже испуганно молчала, прижавшись к прохладной поверхности окна спиной.

– Не нравится вечеринка? – неожиданно поинтересовался Фарлаг. Голос его прозвучал приглушенно и хрипло. – А я вас предупреждал.

Это обращение позволило мне скинуть с себя оцепенение. Я отлипла от окна, собираясь уйти.

– Простите, сэр, я не хотела вам помешать. Не знала, что здесь кто-то есть.

Я уже сделала шаг к выходу, когда он внезапно остановил меня жестом.

– Нельзя уходить сейчас, Прайм оскорбится. Раз уж пришли, придется вам потерпеть еще часа полтора как минимум. Иначе это будет выглядеть как пренебрежение. Можете прятаться здесь, вы мне не мешаете.

Я удивленно приподняла брови, делая шаг назад и скрещивая на груди руки.

– А вы тоже тут прячетесь? – зачем-то спросила я.

Он не ответил. Точнее, не сделал этого сразу, словно размышлял, а достойна ли я вообще его ответа. Сперва поднес сигарету к губам, потом выпустил дым и сделал глоток из стакана с толстым дном.

– Здесь тише, – в итоге объяснил он лаконично.

– Я не ожидала вас тут увидеть, – призналась я, не понимая, зачем вообще разговариваю с ним. Может быть, просто потому, что со мной тут мало кто разговаривал. А ректор сегодня вел себя неожиданно… нет, не дружелюбно, но нормально. Я даже подумала о том, чтобы набраться смелости и спросить его про архив. – В Орте преподаватели не ходят на студенческие вечеринки. Только на официальные балы.

Он усмехнулся, стряхивая едва тлеющие красные искорки, как мне показалось, прямо на пол.

– Вы больше не в Орте. У Лекса свои традиции. И правила. От приглашений Праймов не принято отказываться, даже если ты ректор.

– Почему? Вы тоже из новой элиты, а не из старой аристократии? – догадалась я, вспомнив объяснение Алека. Как у них тут все сложно в их высшем обществе.

Мне показалось, Фарлаг удивился.

– Я-то как раз из старой аристократии, – заметил он. – Но Праймы королевских кровей.

– Серьезно? – мне почему-то стало нехорошо. – Из великих королей?

Он едва заметно качнул головой, снова поднеся к губам стакан, в котором приглушенно звякнули льдинки.

– Нет, он потомок правителей небольшого королевства, находившегося чуть севернее Рейвена. Оно было одним из первых, присоединившихся к Республике. Но королевская кровь – это королевская кровь.

– Кровь у всех нас одинаковая, – возразила я. – Остальное предрассудки.

– Неужели? – хмыкнул он. – А ведь он единственный, кто отнесся к вам хорошо. Знаете почему?

Я отрицательно качнула головой.

– В новой элите нет благородства. Да, многие семьи относят себя к элите уже пять столетий, но они все равно черной завистью завидуют тем, в чьих родословных и тысячу лет назад были великие люди. Они очень боятся уронить себя, поэтому особенно нетерпимы к людям вроде вас. Старая аристократия в этом плане более снисходительна. Мы уверены в своем превосходстве и ничего не боимся. Но мы злимся. Злимся, что пять веков назад отчасти утратили свой статус. Злимся на нуворишей и их потомков, которых Республика сделала

равными нам. И нас бесят те, кто продолжает лезть в высшее общество, не имея на то прав по рождению. А потомки королей… Они от рождения стоят так высоко, что ничего не боятся и ни на кого не злятся. Определенный кодекс чести заложен в них на генном уровне. Плюс воспитание, конечно, но кровь… Она определяет.

– Неужели вы действительно в это верите? – удивилась я.

– Это не вопрос веры, – возразил он. – Вы бы понимали это, если бы…

– Не была безродной дворняжкой?

Улыбка, скользнувшая по его губам, показалась мне удовлетворенной.

– Именно.

– Скажите, ректор Фарлаг, – неожиданно для самой себя поинтересовалась я с доброжелательной, как мне казалось, улыбкой, – а старая аристократия способна чувствовать свое превосходство, только унижая тех, кто не имеет возможности ответить?

Кажется, он очень удивился, потому что внезапно закашлялся, поперхнувшись дымом.

– Знаете, эта дрянь убьет вас, – добавила я, не дожидаясь ответа на вопрос.

– Вы думаете? – голос прозвучал немного сипло, но в нем снова послышалась насмешка.

– Это худшее, что поступает к нам из-за Занавеси, – я уверенно кивнула.

Если ректор и хотел парировать, то не успел: послышался приближающийся смех, и я едва успела отскочить к стене, скрытой во мраке, когда в наше тихое и темное укрытие ввалились хохочущие Реджина и еще одна девушка, имени которой я не знала.

– Прайм тобою очарован, Джина, – громким шепотом сообщила она.

– Наконец-то! Три года на него потратила, а тут еще эта фермерша…

– Она тебе не соперница, ты чего? Максимум он ее попользует пару раз из любопытства, но тут уже что делать, дорогая? Когда речь идет о мужьях вроде Прайма, такие вот эксперименты придется и после свадьбы терпеть.

– Да это сколько угодно, – фыркнула Реджина.

– Только ему об этом не говори! – возмущенно велела ей безымянная подруга. – Пусть чувствует себя виноватым и дарит тебе взамен украшения. Кстати, что это за благотворительность с платьем?

– Да ему сто лет, – отмахнулась Реджина. – Ты бы видела, в чем она собиралась прийти…

В этот момент в бокале ректора заметно звякнул лед и обе девушки испуганно ойкнули, едва не подпрыгнув на месте. Я была рада этому: мне не нравилось слушать, как они меня обсуждают.

– Ректор Фарлаг, сэр… – испуганно пролепетала неизвестная мне подруга Реджины.

– Простите, что побеспокоили, – более сдержанно извинилась сама Реджина.

И их обеих как ветром сдуло еще до того, как Фарлаг успел что-то ответить. Если он вообще собирался. Я услышала только его тихий смех.

Однако после случайно подслушанного разговора мне совершенно не хотелось оставаться в его компании, поэтому, выждав несколько секунд, я тоже решительно направилась обратно в зал.

– Знаете что, госпожа Роук? – внезапно подал голос ректор, когда я уже почти шагнула за портьеру.

Я замерла на месте, молча дожидаясь, пока он продолжит свою мысль.

– Вам это платье идет больше, чем госпоже Морт.

Я не поняла, было ли это настоящим комплиментом или новой издевкой, поэтому ничего не ответила и просто решительно продолжила свой путь.

Глава 7

Едва я снова оказалась за портьерой, как меня оглушила музыка и ослепил свет, а я сама неожиданно налетела на Алека.

– Вот ты где! Я уж думал, ты сбежала и хотел обидеться.

Он широко и добро улыбался, и пятнадцать минут назад я бы приняла это за шутку, но после разговора с ректором уже не была в этом так уверена.

– Что ты! – как можно естественнее возмутилась я. – У тебя прекрасная вечеринка. Круче официальных балов в Орте.

Ему явно польстили мои слова.

– Потанцуешь со мной? – спросил Алек, протягивая мне руку.

В этот момент звучала довольно быстрая мелодия и танец под нее предполагался быстрый, сложный и экспрессивный, а я и медленные исполняла с трудом. Учителя всегда отмечали у меня две проблемы: координацию движений и гибкость. То есть обычно они говорили, что я деревянная и неуклюжая.

– Прости, я… я не умею танцевать, – попыталась уклониться я. – Да и не люблю, если честною

– Серьезно? – удивился он. – Как можно не любить танцевать? Пойдем, я тебя научу!

Он даже попытался потащить меня к танцполу, но я удержала его. При других обстоятельствах – в более дружественной обстановке – я бы, наверное, еще и решилась. Но не здесь.

– Алек, пожалуйста, не надо. Не хотелось бы становиться посмешищем. В смысле, еще большим, – не удержалась я от горького комментария, вспомнив, как Реджина с подругой обсуждали одолженное мне платье.

Внимательно посмотрев на меня, Алек как будто что-то понял и танцевать передумал.

– Конечно, – согласно кивнул он. – Тогда пойдем перекусим.

И он потащил меня к столу. Уже там, всучив мне небольшую тарелочку с разнообразными закусками, он заметил:

– Не обращай на них внимания, Тара. Большинство здесь сильны только своим положением в обществе, которое зарабатывали не они и порой даже не их родители. А вот ты… Ты, например, хороша в приготовлении снадобий. Если бы не ты, я бы сейчас лежал в лазарете, а не веселился тут.

Он так заразительно улыбался, что мне оставалось только последовать его примеру.

– Такой навык трудно получить по наследству, – согласно кивнула я, продолжая его мысль.

– Вот именно! Представляешь, Фарлаг вызвал меня сегодня после занятий и отчитал за невнимательность. Как он только все узнает? Его ведь там даже не было, а Блэк был не в себе. Так вот, ректор меня вызвал и высказал все, что думает о моем зрении. У меня, знаешь ли, со снадобьями вообще не складывается, но моя мама Мастер, поэтому я пытаюсь научиться. Из уважения к ней. И Фарлаг, зараза такая, знает, куда бить.

– Куда? – не поняла я.

– Достал мне мамину ведомость… Она же тоже училась в Лексе. И ткнул меня носом в ее оценки. Она ни одного снадобья не сварила не на высший балл.

Я насторожилась и переспросила:

– В смысле? У него что… Все табели двадцатилетней давности хранятся?

– Конечно, – кивнул Алек. – Огромный такой стеллаж с выдвижными ящиками в кабинете стоит. Не замечала?

Я рассеяно мотнула головой, понимая, что это и есть тот самый архив, который мне нужен. А ректор несколько минут назад дал мне понять, что пробудет здесь еще не менее полутора часов. Возможно, это первый и последний раз, когда я точно знаю, что его кабинет пуст и останется таким достаточно долгое время.

Осторожное прикосновение к моему плечу вывело меня из задумчивости.

– Ты в порядке? – обеспокоенно спросил Алек.

– Да, но… – я набрала в легкие побольше воздуха и спросила: – Ты ведь на самом деле не обидишься, если я все-таки уйду? Ты отличный парень и очень мне нравишься, но я здесь чувствую себя неуютно. Может быть, если у тебя будет более… локальная вечеринка однажды…

Он улыбнулся и перебил:

– Как насчет чашки горячего шоколада со взбитыми сливками? Завтра в полдень, в том кафе, где мы пили чай в первый день. Только ты и я. Достаточно… локально?

– Да, конечно.

Сейчас я была готова пообещать что угодно, лишь бы спокойно и незаметно уйти. Алек решил, что ему этого достаточно, и проводил меня до выхода из зала и даже предложил проводить до апартаментов, но я отказалась, объяснив это тем, что негоже хозяину вечеринки покидать своих гостей.

А сама после этого устремилась к кабинету ректора.

У самых дверей я заставила себя остановиться и перевести дух, а не ломиться внутрь сразу. Я не знала, как заведено в Лексе. В Орте аудитории и рабочие кабинеты преподавателей почти никогда не запирались, возможно, ректорский тоже. Но это не значило, что на них не накладывались следящие чары.

Поэтому приведя в порядок дыхание и сосредоточившись, я в первую очередь направила магический поток в заклятие проверки, чтобы выяснить, какие охранные чары наложил на кабинет Фарлаг. При этом я отчаянно надеялась, что в Лексе не страдают какой-нибудь особой формой паранойи.

Мне повезло. Или, по крайней мере, так мне в тот момент показалось. Довольно стандартное запирающее заклятие, следящие чары, настроенные на открытие двери в отсутствие хозяина, сигнальные чары на случай проникновения с дурными намерениями.

Первое можно было нейтрализовать обычным отпирающим заклятием. Второе не представляло большой опасности, поскольку следящие чары проверялись только в том случае, если в помещении, на которое они наложены, что-то случалось. То есть что-то безнаказанно украсть из кабинета ректора я бы не смогла: заметив пропажу, он быстро бы узнал, кто входил в кабинет в его отсутствие.

А вот сигнальные чары поднимали тревогу сразу.

К счастью, у меня не было дурных намерений. Я не собиралась ничего красть или ломать. Я искала информацию о своей матери и не собиралась использовать ее кому-либо во вред. И все это я несколько раз проговорила про себя, очищая мысли и чувства от малейших намеков на желание возмездия тем, кто причинил моей маме вред, будь то ее родители, мой отец или ее… убийца.

Только после этого я применила отпирающее заклятие и осторожно ступила в кабинет. Даже без своего хозяина он казался мрачным и неприветливым. Шторы были плотно задернуты, свечи и шары погашены, поэтому мне пришлось создать свой, чтобы видеть, куда наступаю.

Времени у меня должно было быть достаточно, но я не стала медлить и сразу направилась к стеллажу. Затормозила только у полочек, на которых стояли

разные безделушки. Всякие фигурки и портреты в рамках настолько не вязались у меня в голове с образом Фарлага, что я на несколько секунд замерла, разглядывая их.

На одном из портретов был изображен сам Найт Фарлаг с какой-то женщиной. Судя по тому, что его костюм по цвету совпадал с ее платьем, это был свадебный портрет. На нем Фарлаг выглядел молодым, улыбчивым и каким-то… беззаботным, что ли. Счастливым. Женщина рядом с ним буквально ослепляла своей красотой, но мне она почему-то показалась неприятной. То ли взгляд мне ее не понравился, то ли еще что-то… Я не знала, потому что не стала задерживаться и разглядывать, а поспешила к стеллажу с архивом.

На каждом ящике значился год зачисления, а я знала лишь мамин возраст и год, в который она точно была в Лексе – с того обгоревшего портрета. Но я не знала наверняка, во сколько она пришла учиться. В семнадцать, как я? Или пропустила год или два после школы? Мне предстояло проверить целых три ящика. И еще одна сложность заключалась в том, что я не знала, какая у мамы была фамилия до брака. Поэтому в каждом ящике я направляла поисковое заклятие на имя – Дария.

С первой же найденной Дарией всплыла проблема номер три: папки студентов содержали кучу информации, но не имели портретов.

– Издевательство какое-то, – простонала я, но тут же велела себе замолчать: в тишине кабинета даже шепот звучал оглушительно. Сердце мое тоже колотилось слишком громко.

В первом ящике я нашла шесть студенток с именем Дария, во втором – три, в третьем – пять. По году рождения я отсеяла семь, но еще семь мне подходили, а внимательно изучать семь папок здесь и сейчас у меня не хватило бы нервов.

Пришлось их копировать. От страха, что меня обнаружат, магический поток снова подчинялся плохо. Мне часто говорили, что при внешней невозмутимости, внутренне я слишком нестабильна. Пришлось снова крепко сжимать фокусирующий артефакт.

Мне оставалось скопировать всего две папки, когда я услышала за дверью голоса и шаги. Я в ужасе оглянулась, понимая, что минимум два человека

приближаются к кабинету. У меня оставалась слабая надежда на то, что кто-то просто идет мимо, но потом до меня донеслись голоса:

– Найт, держитесь, дружище, немного осталось, – торопливо говорил голос профессора Блэка. – Или давайте я вас левитирую?

– Я вам не мешок картошки, – огрызнулся голос ректора Фарлага. – Сам дойду!

И настолько злого голоса у него не было даже в день нашего собеседования. Я поняла, что мне конец, потому что незаметно выбраться из кабинета не было ни малейшей возможности.

* * *

Когда дверь кабинета открылась и профессор Блэк буквально втащил внутрь ректора Фарлага, я замерла на месте, прижимая к груди созданные копии и стараясь не дышать. Мне оставалось надеяться, что ректор, как обычно, предпочтет оставить в кабинете полутьму, и они не заметят меня. При ярком свете наверняка стало бы видно, как топорщится толстая штора, за которой я спряталась. Ничто другое в кабинете не могло выдать моего присутствия: ящик архива я задвинула и даже успела восстановить запирающее заклятие на двери.

Происходящее в кабинете я видела через щель между шторами. Блэк усадил Фарлага в кресло посетителя, а сам с проворностью, которую трудно было заподозрить в мужчине его возраста, метнулся к невысокому шкафу со стеклянными створками, стоявшему в дальнем углу. Как я и ожидала, многочисленные шары они зажигать не стали, ограничившись несколькими свечами, которые едва развевали мрак.

Даже при этом весьма сомнительном освещении было видно, что Найту Фарлагу очень плохо. Его тело как-то странно дергалось, лицо искажала гримаса боли.

– Быстрее, Блэк, прошу вас, – почти прорычал он тихо, пока Блэк что-то делал у шкафа.

Я слышала звон стеклянной посуды, но не видела, что именно он делает. Могла только догадываться, что он смешивает из лечебных порошков какое-то

экспресс-снадобье.

– Сейчас, Найт, потерпите немного. Добавлю только обезболивающий компонент.

– Не надо. Не помогает. Противосудорожного хватит, – отрывисто бросил ректор.

Звуки пропали. Блэк замер, видимо, осмысливая сказанное Фарлагом. А потом забормотал что-то себе под нос, торопливо пересекая комнату. Я услышала тихое клацанье стекла о стекло и звук льющейся воды: Блэк разбавил смесь порошков водой. Потом он подошел к ректору, на ходу взбалтывая ложечкой содержимое стакана, и заставил того выпить содержимое.

Снадобье далось Фарлагу нелегко: он все еще заметно вздрагивал, как будто его тело сводило судорогами, а порой захлебывался, словно жидкость не лезла в горло. Содержимое стакана то и дело проливалось, но в итоге ректор осушил его почти до дна и откинулся на спинку кресла, прикрыв глаза. Он тяжело дышал, и на лице его все еще отражалась гримаса боли, но дергаться он перестал.

Профессор Блэк, сжимая стакан в руках, осторожно присел на краешек ректорского письменного стола, с тревогой глядя на молодого начальника.

– Как вы, Найт? – обеспокоенно спросил он.

– Лучше, – глухо отозвался Фарлаг и после небольшой паузы добавил: – Спасибо.

– Что мне дать вам от боли?

– Ничего, – из горла Фарлага вырвался странный звук: то ли смех, то ли фырканье, то ли сдавленный стон. – Уже полгода ничего не помогает. Только перетерпеть. Хуже всего, когда болит голова. А сейчас… Переживу.

– Мне кажется, ваши приступы учащаются, – осторожно заметил Блэк, все так же не сводя взгляд с лица ректора.

– Вам не кажется.

– И вы не придумали ничего лучше, как на фоне всего этого начать курить эту дрянь? – теперь голос Блэка звучал укоризненно. – И крепкий алкоголь я бы вам не рекомендовал.

– Я проклят, а не болен, – хмыкнул Фарлаг, продолжая сидеть с закрытыми глазами.

– И что теперь? Вы не знаете наверняка, что вызывает приступы.

– Знаю. Заметное расходование магического потока. Слишком сильные негативные эмоции. Утомление.

– В любом случае вам нужны силы, чтобы справляться с этим, – тон профессора Блэка смягчился. – А алкоголь и никотин их только забирают.

– Нотации тоже, – едко отозвался Фарлаг.

Блэк не обиделся, только улыбнулся, покачав головой. Мне было плохо видно его лицо, но почему-то казалось, что он смотрит на Фарлага с какой-то отеческой теплотой и сочувствием. Теперь в Лексе я знала двоих человек, способных на такие чувства.

– Вам надо с этим что-то делать, Найт, – все тем же мягким тоном заметил он.

– О, неужели? Думаете, мне надо найти способ снять проклятие? И почему за пять лет выворачивающих наизнанку приступов мне ни разу не пришло это в голову?

Фарлаг говорил резко, но даже я слышала в его тоне отчаяние. Блэк печально вздохнул и снова покачал головой.

– Я имел в виду другое. Если ваши приступы провоцируют негативные эмоции и усталость, вам нужно меньше огорчаться и больше отдыхать. А лучше найти поводы для радости. Так ли вам нужно тратить время и силы на ректорство в Лексе?

– Хотите от меня избавиться? – усмехнулся Фарлаг. – Не забывайте, уйду я – и следующим уйдете вы.

– Я это понимаю, – кивнул Блэк. – Но я сейчас не о себе беспокоюсь, а о вас. Мне-то что? Я свое отжил.

– Я свое, кажется, тоже, – едва слышно пробормотал Фарлаг, растирая рукой лицо.

– Вам просто плохо, поэтому вы так пессимистичны, – все с той же доброй улыбкой возразил Блэк. – Вам всего сколько? Тридцать пять?

– Будет. В этом году, – уточнил Фарлаг мрачно.

– Ну вот! Вы молодой, сильный и очень талантливый. Уверен, вы найдете снадобье противодействия.

Фарлаг как будто хотел что-то возразить, но передумал. Сел немного прямее и сделал глубокий вдох, а потом вдруг тревожно оглянулся по сторонам.

– Мне кажется, тут кто-то есть…

У меня сердце екнуло и застучало сильно-сильно. Все это время, я стояла, не шевелясь и почти не дыша, хотя у меня уже все мышцы свело от этого. Он не мог меня услышать!

– Здесь никого нет, – возразил профессор Блэк. – Найт, вам нужен отдых. Давайте я провожу вас в ваши апартаменты?

В кабинете повисла тишина. Я не знала, что происходит, потому что после замечания ректора отшатнулась от щели в занавеске, боясь, что меня все-таки заметят. Сердце колотилось так, что было больно, а от сдерживаемого дыхания грудную клетку пекло, но совсем не так, как из-за непролитых слез. Горели именно легкие, требуя больше кислорода. Незнание усиливало страх. Мне казалось, что в любой момент ректор подойдет, отдернет занавеску и обнаружит меня.

Однако через несколько секунд он только шумно выдохнул и согласился:

– Вы правы, Блэк. Но я и сам дойду.

Послышался скрип кресла, потом неясный шум, после которого Блэк мягко попросил:

– Позвольте мне все-таки пойти с вами. Просто чтобы убедиться, что вы дошли.

– Демон с вами, идемте, – выдохнул Фарлаг.

Послышались шаги, потом хлопнула дверь. Не та, через которую мы все входили, а в другом конце кабинета.

Я продолжала стоять за шторой, позволив себе только чуть-чуть расслабить руки и сделать глубокий вдох, но выходить из своего укрытия не торопилась. Вдруг кто-то из них что-то забыл в кабинете? Или Блэк мог пойти обратно через кабинет.

Минуты шли, я слышала, как тикают настенные часы, но все не решалась выйти из-за шторы. Наверное, прошло не меньше четверти часа, прежде чем я все-таки сделала это, предварительно просунув в щель между шторами голову и убедившись, что кабинет пуст. Его все еще освещали свечи, которые Блэк и Фарлаг забыли погасить.

Меня заметно трясло от пережитого и ужасно хотелось поскорее броситься прочь, пока меня не обнаружили, но оставались еще две папки и две Дарии, каждая из которых могла оказаться той самой, что я искала. Если я не скопирую информацию о них, вся эта затея может оказаться бессмысленной!

Поэтому заставив себя успокоиться, я снова открыла нужный ящик архива и достала из него папки. Руки дрожали, а я то и дело бросала взгляд в дальний конец кабинета, сейчас тонувший во мраке. Где-то там находилась дверь, через которую ушли ректор и Блэк. Копируя листы, я прислушивалась к тишине, каждую секунду ожидая услышать скрип двери и шум шагов. Тогда мне конец.

И все же мне удалось закончить начатое и даже убрать все обратно в выдвижной ящик, а в кабинете так никто и не появился. Когда я поднялась на ноги, они дрожали так, что едва держали меня. Я заставила себя пойти обратно к двери, но снова задержалась на мгновение у полочек с портретами.

Я смотрела на молодого улыбающегося мужчину с очень теплым взглядом каре-зеленых глаз, и мне вспоминалось искаженное болью лицо, судорожно дергающееся тело. Кто и за что мог так жестоко проклясть его? Проклятия бывали разными. Одни довольно быстро сводили человека в могилу, другие просто лишали его чего-нибудь: любви, удачи, возможности иметь детей, видеть в окружающем мире хорошее. Часто проклятый даже не знал об этом. Те, что убивали, делали это в считанные дни. Остальные можно было относительно легко снять, если их обнаружить и правильно определить. Сложнее дело обстояло с темными и родовыми проклятиями.

Найт Фарлаг свое проклятие снять не мог, и оно мучило его уже пять лет. Не убивало, а именно мучило. Значит, наверняка имело компонент темной магии, светлый поток на такое просто не способен. Как сильно надо ненавидеть человека, чтобы сотворить с ним такое?

Я заставила себя оторвать взгляд от портрета и напомнила себе, что меня это не касается. Судьба ректора Фарлага – не моя забота. Хотя подслушанный разговор давал надежду, что как минимум один рычаг воздействия на ректора у меня есть. В крайнем случае к нему можно будет прибегнуть.

Осторожно применив отпирающее заклятие, я вышла в коридор, как можно тише прикрыла за собой дверь и снова заперла ее.

Теперь ничто не должно было выдать моего визита сюда.

Глава 8

– Тара Роук! – громкий оклик преподавательницы заставил меня вздрогнуть и быстро спрятать просматриваемые листы в тетради, в которой я должна была записывать лекцию.

Только вот последние минут пятнадцать я ничего не писала, даже не слушала толком, снова и снова просматривая общую информацию по семи Дариям, учившимся в Лексе двадцать лет назад.

Я потратила на изучение их личных дел все выходные, прерываясь только на выполнение домашних заданий. Даже попросила Реджину выпить горячего шоколада с Алеком вместо меня и сказать ему, что я приболела. Моя соседка минут пять не могла решить: разозлиться ей из-за того, что Алек позвал на чашку шоколада меня, а не ее, или обрадоваться из-за того, что я уступила это приглашение ей. В конце концов, она просто ушла, сказав, что так и быть, развлечет Прайма, пока я болею.

Я не знала, обиделся ли Алек. Перед началом лекции он только улыбнулся мне, окинув изучающим взглядом, а сидели мы сегодня на разных рядах, поэтому поговорить не успели.

Меня больше тревожило другое. Ничто в личных делах студенток не давало мне ключа к пониманию, кто из них моя мама. При более внимательном рассмотрении я нашла не только год, но и дату рождения, но ни одна из них не совпадала с днем рождения мамы. По крайней мере, с тем, который знала я. Могла ли она и его скрывать? Зачем? Прочая информация и вовсе оказалась для меня бессмысленна. Никто из них не специализировался в снадобьях, которые мама знала очень хорошо, но все посещали как минимум теорию в качестве одного из предметов.

Мне нужно было найти их лица! Но я не знала, как это сделать.

Зато сейчас передо мной замерло очень недовольное лицо профессора Лессандр, которая за время моего молчания успела подняться по проходу до ряда, на котором я сидела. Она явно чего-то от меня хотела, но я не понимала, чего именно, поскольку сам вопрос благополучно прослушала.

– Роук, я долго буду ждать? Проклятые артефакты, основные плюсы и минусы относительно обычных проклятий. Быстро!

Я судорожно пыталась вспомнить что-то на эту тему, но не могла, потому что это была тема текущей лекции. Да и артефакты никогда не интересовали меня, поскольку я не собиралась ими заниматься, а для приготовления снадобий они

были не нужны. Просто Теория создания артефактов входила в образовательный минимум третьего и четвертого годов обучения.

– Прошу прощения, профессор, я не знаю, – тихо ответила я, кожей ощущая насмешливые взгляды сокурсников.

– Конечно, не знаете, – резко произнесла Лессандр, презрительно кривя тонкие губы. – Ведь когда я о них рассказывала пять минут назад, вы не слушали.

Я изобразила на лице раскаяние и виновато потупила взгляд, не зная, что сказать в свое оправдание.

– Простите, профессор, я отвлеклась.

– Поразительно, что вы позволяете себе подобное, – хмыкнула профессор, скрещивая руки на груди. Судя по всему, она не собиралась быстро возвращаться к теме лекции. Красивая и моложавая, несмотря на то, что была даже чуть старше моей мамы, она жила в апартаментах в западном крыле и обладала весьма скверным характером. – Учитывая ваше происхождение, вы носом землю рыть должны, доказывая всем, что ректор Фарлаг не выжил из ума, приняв вас в Лекс.

– Честно говоря, я не считаю, что репутация ректора Фарлага нуждается в моей защите, – не сдержалась я. – Поэтому едва ли должна доказывать всем что-то в его пользу.

Наверное, я зря это сказала, потому что красивое лицо преподавательницы с идеальным макияжем пошло красными пятнами.

– Интересно, как с таким отношением вы собираетесь найти себе наставника, – фыркнула она, отворачиваясь и возвращаясь на кафедру. – Я вашу просьбу теперь точно не удовлетворю.

Я очень сомневалась, что она собиралась удовлетворять ее и раньше, поэтому не особенно расстроилась. Хотя у меня накопилось уже столько отказов, что в пору было испытать отчаяние. В Лексе стремительно заканчивались преподаватели, которых я еще об этом не попросила и которые не сказали бы свое твердое и

бесповоротное «нет». Сегодня я собиралась направить официальные прошения всем оставшимся. Пожалуй, кроме ректора. Встречаться дополнительный раз в неделю с ним, да еще и наедине мне совершенно не хотелось.

К счастью, до конца лекции Лессандр забыла о моем существовании, но и я больше не рисковала отвлекаться, добросовестно записывая почти каждое ее слово.

После занятия, как я и ожидала, Алек перехватил меня на выходе из аудитории.

– Как ты себя сегодня чувствуешь? – вежливо поинтересовался он.

И вот теперь мне не пришлось изображать ни раскаяние, ни виноватый вид: я действительно почувствовала себя виноватой.

– Прости, что не пришла в субботу. Просто я…

– Испугалась? – предположил он, весело улыбаясь.

– Наверное.

– Разве я такой страшный?

– Честно говоря, вы на меня все нагоняете ужас, – не стала скрывать я, но постаралась, чтобы это прозвучало как шутка. – Особенно потомки королей.

– А, понятно, кто-то уже просветил, – недовольно откликнулся он, словно стыдился своего происхождения.

– Увы, – я решила поддержать эту манеру.

– Знаешь, мы ведь давно не короли. Очень давно. Все эти расшаркивания и попытки померяться, у кого родословная длиннее, – глупость.

– Я-то с этим согласна, – на этот раз я поддержала его с искренним энтузиазмом. – Но странно, что ты так считаешь. Я думала, вы все молитесь на

свои родословные, как на древних богов. Ректор Фарлаг, говоря о своем аристократическом происхождении, разве что не лопался от гордости.

Алек рассмеялся. Как всегда искренне и весело. С каждой минутой нашего общения он нравился мне все больше, и я ничего не могла с этим поделать.

– Он имеет на это право, Фарлаги – очень достойные люди. Они много сделали для нашего мира.

– Гордиться предками – это, наверное, нормально, – согласилась я. – Но разве может это быть важнее собственных достижений?

– У него и своих достоинств хватает, – не сдавался Алек, пока мы шли по бесконечно длинному коридору к другой аудитории. – Лучший выпускник Лекса, самый молодой Мастер Снадобий, талантливый ученый, самый молодой ректор в истории не только Лекса, но и всех учебных заведений. Хотя считается, что с последним ему помог папа-министр, но он справляется. Говорят, в обществе в свое время тоже блистал и был одним из самых завидных холостяков.

– Ты его так защищаешь, словно он твой… любимый дядя, – я не придумала другого достойного родства, учитывая возраст.

– Мы все немного родственники, – со смехом признался Алек. – Но мне просто жаль его, наверное. Такое многообещающее начало, а теперь…

Он вздохнул и махнул рукой, а я почувствовала внезапный приступ любопытства. Мне так и не рассказали ни одной версии о том, кто и за что проклял Фарлага. Я уже собиралась об этом спросить, но Алек успел первым:

– Что за бумаги ты с таким любопытством изучала вместо лекции?

Я смутилась. Делиться с ним своими тайнами у меня не было желания, каким бы милым Алек ни казался, поэтому я попыталась уйти от ответа:

– Да так, кое-что по учебе…

– Правда? А было похоже на личные дела студентов.

У меня по спине пробежал холодок. Алек, конечно, сидел недалеко, но как он разглядел? Только через пару мгновений я вспомнила, что ректор показывал ему ведомости с оценками мамы. Значит, доставал ее личное дело. Алек мог просто узнать оформление страницы.

– Это как-то связано с твоей мамой?

Последние слова окончательно добили меня. Я замерла посреди коридора, посмотрев на него с подозрением. Как он догадался? И хотя я не озвучила свой вопрос, Алек словно прочитал мои мысли:

– Меня тоже прочат в лучшие выпускники Лекса, – со своей обычной очаровательной улыбкой пояснил он. – Твой внезапный перевод сюда после ее смерти, обгоревший портрет, твой внезапный побег с вечеринки после того, как я упомянул архив в кабинете ректора, теперь эти бумажки… Что ты ищешь, Тара?

Видимо, он и правда был очень умен и внимателен к деталям. Я задумалась о том, что, возможно, стоит ему довериться. В конце концов, я еще ничего плохого от него не видела за все время пребывания здесь. Наоборот, он единственный, кто отнесся ко мне хорошо. И я очень нуждалась в помощи.

– Я ищу свою маму, – призналась я. – То есть… пытаюсь понять, кем она была. До ее смерти я не знала, что она училась здесь. Я не знаю, кем она была до замужества. Ничего о ней не знаю. Я хочу найти каких-нибудь родственников. И, может быть… – в последний момент я осеклась, решив, что про отца рассказывать все же не стоит. – Может быть, ее родители еще живы и захотят со мной познакомиться. Или хотя бы они должны знать, что случилось с ней.

– Так эти личные дела студентов?..

– Личные дела студенток по имени Дария, которые учились здесь в нужный год и чей возраст совпадает с маминым, – кивнула я, доставая копии из сумки и протягивая ему. – Но дата рождения не совпадает ни у одной, а без портретов я не могу понять, кто из них моя мама.

Алек просмотрел протянутые листы, а потом выдал:

– Значит, нужно соотнести эти имена с портретами выпускников.

– Портретами выпускников? – мое сердце забилось чаще, когда я поняла, что ниточка еще не оборвалась.

– Да, создается для каждого выпуска из Лекса. По одной копии альбома остается в библиотеке. После следующей лекции могу показать тебе.

Это была, наверное, самая длинная лекция в моей жизни. Минуты тянулись бесконечно долго, я вновь старательно записывала за преподавателем, но делала это, не задумываясь и не пропуская информацию через себя. Я могла думать лишь о том, что вот-вот узнаю настоящую фамилию мамы. И тогда до поиска ее родителей останется всего один шаг.

Однако в библиотеке меня ждало жестокое разочарование. Мы с Алеком внимательно рассмотрели портреты всех Дарий, даже тех, кого я отсеяла по году рождения. Никто из них не был похож на мою маму. Тогда мы изучили портреты всех девушек подходящих нам выпусков, пользуясь тем, что третьей лекции не было ни у меня, ни у него. Мы потратили на это почти час, но ни одна выпускница Лекса не была похожа на мою маму. Ни такую, какой я ее знала, ни такую, какой она была изображена на обгоревшем портрете.

– Ерунда какая-то, – хмурился Алек. – Как такое возможно? Она могла не выпуститься?

– Она забеременела, – тихо признала я, но мне показалось, что в тишине библиотеки мои слова все равно прозвучали оглушительно. – Могла сбежать, наверное.

– Или ее могли отчислить, – хмыкнул Алек. – Особенно если беременность была внебрачная. Лекс такого не допускает. Даже замужних студенток в положении отправляют домой до родов.

– Сурово.

– Традиции.

– Опять тупик, – почти простонала я, откидываясь на спинку неудобного стула, какие тут предлагал читальный зал.

Алек задумчиво потеребил светлую челку: то ли пытался поправить ее, то ли это означало у него глубокий мыслительный процесс. Судя по тому, что через несколько секунд его лицо просветлело, второй вариант оказался ближе к истине.

– Слушай, у тебя же есть ее портрет! Можно показать его кому-то из местных преподавателей-старожилов. И поспрашивать.

– Можно, только… – мне не хотелось объяснять ему про то, что каждый из них может оказаться моим настоящим отцом. – Я бы не хотела привлекать к своим поискам внимание. Появятся вопросы, а мне тут и так не рады.

Алек понимающе кивнул, снова задумавшись, но тут же опять просиял.

– Мой отец! Он будет здесь на традиционном балу в честь годовщины основания Лекса, поскольку входит в попечительский совет. Можно показать потрет ему.

В этот момент у меня зародилось нехорошее подозрение.

– А он откуда может ее знать?

– В то время он работал здесь. В качестве эдакой практики, у нас в семье так принято. Прежде чем переходить к серьезным финансовым задачам, сначала потренироваться на чем-то небольшом и простом. Он управлял финансами Лекса.

Я не стала комментировать его представления о «небольшом» и «простом». Меня гораздо больше тревожил другой факт.

– Алек, а как зовут твоего отца?

– Сет. Сет Прайм. А что?

Я облегченно выдохнула. Не на «А».

– А когда будет этот бал?

– Тридцатого марта.

С тем же успехом он мог бы быть в следующем году. Особенно если я не найду наставника.

Но прежде, чем я успела высказать вслух эти опасения, передо мной махнула крыльями маленькая фея. И швырнула мне очередную записку.

«Ко мне в кабинет. Немедленно».

Кто бы сомневался, что в подписи у послания стояло: «Ректор Фарлаг».

– Да чтоб его… – досадливо проворчала я, чем вызвала у Алека смешок.

– Не проклинай ректора, – заметил он с улыбкой. – Он и так проклят.

Глава 9

– Вы меня вызывали, сэр? – старательно контролируя голос, поинтересовалась я, замерев у порога ректорского кабинета.

Здесь все было без изменений: легкий беспорядок на столе, наглухо зашторенные окна, кресло посетителя, сегодня только одно, полумрак по углам. Разве что солнце сегодня светило настолько ярко, что даже темные шторы из плотной ткани не могли сдержать его полностью: в кабинете было сумрачно, но не так темно, как в мои прошлые визиты. И сам ректор ждал меня не за столом, а стоя у того самого шкафа, в котором, как я теперь знала, хранились лечебные порошки. Судя по всему, он делал для себя очередную смесь. Пиджак и мантия дожидались своего хозяина на спинке кресла, а как всегда немного мятая рубашка обтягивала как оказалось довольно широкие плечи.

– Садитесь, – велел он, не оборачиваясь ко мне.

И, конечно, имея в виду кресло посетителя, но я неуверенно замерла. Сяду туда – и он окажется у меня за спиной. Не то чтобы меня волновало, насколько это вежливо. Я просто понимала, как мне будет неуютно. Однако испытывать его терпение было плохой идеей, поэтому я все же заставила себя сесть.

Я слышала, как он закончил насыпать порошки, добавил в стакан воды. Судя по тому, что он спокойно стоял, его сейчас не мучили судороги, ничего похожего на приступ, который я наблюдала. Возможно, его проклятие проявлялось по-разному.

– Объясните мне, Роук, что вы делали в моем кабинете в пятницу вечером? – спокойно спросил он, размешивая содержимое стакана: я слышала, как пару раз ложечка ударилась о стекло.

У меня сердце провалилось вниз и забилось в животе, а я сама задрожала, теперь даже радуясь тому, что он не видит моего лица. Как он мог узнать? Все же время от времени проверяет следящие чары? Или я оставила следы своего пребывания?

– Я не понимаю, о чем вы говорите, сэр.

Когда не знаешь, как оправдаться – отрицай.

– Хотите сказать, что вас не было здесь в пятницу вечером?

Я не слышала его шагов, но поскольку с каждым новым словом его голос звучал все ближе, я поняла, что он возвращается к столу. Только в поле моего зрения он так и не появился. Я почувствовала, как он замер прямо за спинкой кресла и сверлит взглядом мой затылок. От этого взгляда кожу под полосами неприятно закололо.

– Нет, сэр, – выдохнула я. Голос все-таки дрогнул.

И тогда я почувствовала щекой тепло и уловила легкий запах сигаретного дыма, каким он становится после того, как впитается в одежду и волосы. Фарлаг сначала резко втянул ноздрями воздух, а потом я почувствовала жар его дыхания на своей шее.

– Не хотите или вас тут не было? – насмешливо уточнил он, ничуть не смущаясь этой не вполне приличной близости.

– Меня тут не было, сэр, – как можно увереннее пояснила я, глядя прямо перед собой и изо всех сил стараясь не отодвинуться. Я не хотела показывать, как он меня пугает.

Он разочарованно вздохнул и выпрямился.

– Почему вы мне все время врете, Роук?

Теперь он наконец вернулся за свой стол и опустился в кресло. Стакана с экспресс-снадобьем в его руках уже не было, взгляд казался злым. Он выжидающе уставился на меня и добавил:

– Меня это бесит.

– Я не понимаю вас, сэр, – упрямо повторила я, все еще не зная, как оправдаться.

Он снова подпер голову согнутой в локте рукой, как в первую нашу встречу. Указательный и средний пальцы при этом едва заметно помассировали висок.

– Когда вы пришли ко мне на собеседование, вы сказали, что хотите перевестись в Лекс, потому что желаете получить лучшее возможное образование по снадобьям. Очевидно, в тот момент вы понятия не имели, что единственный предмет, который в Лексе преподается не очень хорошо, – это как раз снадобья. Потому что их ведут полоумный старик и проклятый Мастер, который уже несколько лет не в состоянии практиковать. Если бы не это обстоятельство, ваша ложь могла бы сойти за правду. И вот теперь вы честно смотрите на меня своими прекрасными голубыми глазами и снова нагло врете.

Даже не знаю, что больше повергло меня в ступор: страх или то, что он назвал мои глаза прекрасными.

– Я не… – с трудом выдавила я, но он резко оборвал меня:

– Еще раз скажете, что не понимаете, – и я вас прокляну.

Мне пришлось замолчать. На всякий случай. Мозг старательно искал выход из положения, поэтому, наверное, невзирая на бешено колотящееся сердце, я заметила, как Фарлаг на секунду прикрыл глаза и снова помассировал висок. Похоже, мне повезло: его снова мучила головная боль. Та самая, которую, по его словам, хуже всего было терпеть. Порошки явно не помогали.

– Вы были аккуратны, – тем временем продолжил Фарлаг. – Настолько, что я не понимаю, что вы здесь делали. И мое любопытство – это единственное, что сейчас отделяет вас от отчисления и неприятного разговора с легионерами.

– В таком случае с моей стороны было бы глупостью удовлетворять его, – вырвалось у меня.

Уже знакомый прищур был мне ответом. Я с трудом сглотнула, стараясь контролировать дыхание. Еще немного – и он бы меня точно отчислил, поэтому я решила, что самое время выложить единственный козырь. Хоть я и надеялась разыграть его в другой ситуации.

– У вас болит голова, сэр?

Такой разворот разговора сбил Фарлага с толку: злость мгновенно улетучилась, уступив место удивлению. У меня сердце билось уже не в животе, а в горле, мешая дышать.

– Вы пытаетесь сменить тему?

– Я хочу предложить вам помощь.

Это было смело. Даже где-то безрассудно. Я никогда не пробовала делать это ни с кем, кроме своего неродного отца. Да и его мигрень последний раз снимала еще до того, как отправилась в Орту. Мама велела мне не распространяться об этом умении, хотя сама же меня научила. Она говорила, что это моя «компенсация» за то, что я не могу плакать.

– Ты лишена того, что умеют все, но зато можешь делать то, на что не способны другие, – говорила она.

Конечно, я не знала, сработает ли это на проклятом человеке, но это была моя единственная надежда выйти из кабинета ректора все еще студенткой Лекса.

Я медленно поднялась на ноги, переместила сумку, которая до этого лежала у меня на коленях, на сиденье кресла.

– Вы позволите?

Фарлаг был явно заинтригован и потому махнул рукой, приглашая меня делать все, что я задумала.

Я заставила себя обойти его стол и подойти ближе к креслу, в котором он сидел. Он внимательно следил за моими движениями, но молчал. Только вопросительно приподнял брови, когда я присела на краешек стола и потянулась руками к его голове.

– Сядьте прямее, пожалуйста, – попросила я и тут же поспешно добавила: – Сэр.

Он медлил пару секунд, но потом послушался, и тогда я смогла коснуться кончиками пальцев его висков.

– Хочу предупредить, что магический поток не способен справиться с этим конкретным видом боли, – насмешливо заметил Фарлаг.

– Магия в этом не участвует, сэр, – заверила я, едва заметно массируя его виски.

Не прошло и пяти секунд, как я уловила знакомые вибрации. И как обычно сначала попыталась подстроиться под них невыразительным мычанием, но еще несколько секунд спустя открыла рот, голосом создавая незатейливую мелодию. Она каждый раз звучала по-разному, ее рождали вибрации, которые я ощущала пальцами. Я сама не до конца понимала механизм происходящего, словно мной в такие моменты руководила какая-то неведомая мне сила.

Фарлаг, до этого посматривающий на меня с подозрением, закрыл глаза. Его лицо постепенно разгладилось, дыхание стало ровным и глубоким, как будто он провалился в сон.

Вибрации исчезли, и мой голос стих. Я убрала руки с висков ректора, внимательно наблюдая за его реакцией. Он открыл глаза не сразу. Какое-то время прислушивался к собственным ощущениям и только после этого взглянул на меня.

– Как вы это делаете?

Его вопрос заставил меня облегченно выдохнуть. Значит, все получилось.

– Я не знаю, – на этот раз абсолютно честно ответила я. – Мама научила в детстве. Я никогда не задумывалась о том, как это получается.

– Вы можете так снять любую боль?

– Нет, к сожалению, только головную.

Он снова какое-то время смотрел на меня снизу вверх, поглаживая пальцами небритый подбородок, а потом вдруг спросил, как ни в чем не бывало:

– Что вы делали в моем кабинете в пятницу вечером?

– С чего вы вообще взяли, что я тут была?

Его глаза вновь недобро прищурились. Кажется, избавление от головной боли не произвело на него тот эффект, на который я рассчитывала.

– Знаете, у меня прекрасное обоняние, – неожиданно сообщил он. – Я по запаху способен определить степень готовности любого снадобья. Мне даже время засекать никогда не требовалось.

– Тем более странно, что вы начали курить, – заметила я, не понимая, куда он клонит.

Фарлаг вдруг резко встал, нависая надо мной. Даже когда я сама выпрямилась, оказалось, что он на целую голову выше меня. Теперь я смотрела на него снизу вверх, забыв, как дышать. Он же расслабленно засунул руки в карманы брюк, довольно усмехаясь. Кажется, ему понравилась моя реакция. Интересно, что больше пришлось ему по душе: испуг или смущение?

– Ваши духи, госпожа Роук, – объяснил он, гипнотизируя меня взглядом. Я вдруг подумала, что мне его глаза тоже кажутся красивыми. – Я не сразу понял, почему мне показалось, что в кабинете кто-то есть. Только потом, когда… мне стало лучше, смог проанализировать. В кабинете был запах ваших духов. Вы не просто были тут в тот вечер. Вы были тут в тот момент, когда я вернулся. Я проверил это по следящим чарам, так что отпираться нет смысла.

Я выдержала его взгляд даже сейчас, хотя отчаянно хотелось выскользнуть из ловушки между его мрачной фигурой и столом. И как бы страшно мне ни было, я постаралась произнести спокойно:

– Если это так, то вы, конечно, обязаны отчислить меня. И, возможно, даже донести в Легион. Вы уверены, что хотите этого? Теперь.

– Не играйте со мной, Роук, – угрожающе велел он.

– И в мыслях не было, сэр, – заверила я.

За одно мгновение в нем снова что-то переменилось. Раздражение ушло, взгляд стал скорее изучающим.

– Кто же вы такая, Тара Роук? – со вздохом спросил он, с интересом разглядывая мое лицо.

– Я и сама хотела бы это знать, сэр.

Глава 10

Меня не отчислили. Ректор даже не стал настаивать на моих честных ответах. Я понимала, что обреченный на постоянные боли человек не станет выгонять из университета того, кто может унять хотя бы один вид его боли. И Фарлаг понимал, что я это понимаю, а потому ему нечем мне угрожать. Однако его взгляд при нашем прощании ясно давал понять, что он найдет способ выяснить правду. Это позволяло мне надеяться, что он найдет и способ оставить меня в Лексе, несмотря на то что практически все потенциальные наставники мне отказали. Некоторые пока просто не ответили. Возможно, и не собирались отвечать.

А пока я ждала крайнего срока по назначению наставника, все остальные студенты Лекса уже предвкушали бал в честь годовщины его основания. В четверг Алек предпринял еще одну попытку «социализировать» меня и взял с собой на вечерние посиделки в кафе с парой приятелей. Всего за столом оказалось шесть человек, в том числе Реджина и та самая девушка, с которой она обсуждала мою скромную персону во время вечеринки. Мне показалось, что все присутствующие, кроме меня, конечно, относятся к той самой «старой аристократии».

Девушки вовсю обсуждали платья из какого-то каталога и с энтузиазмом интересовались мнением парней. Парни отвечали им с куда меньшим энтузиазмом, но вежливый взгляд на картинки все же бросали. На меня они тоже иногда бросали взгляды, но скорее недовольные, нежели вежливые. Девушки предпочитали меня игнорировать. Со мной разговаривал только Алек, а я хоть и отвечала ему, но все равно не понимала, зачем я здесь. Готовиться к лекции по Снадобьям и то было бы интереснее. Впрочем, поддержать разговор о платьях я бы все равно не смогла: мельком разглядев несколько ценников, сразу поняла, что не могу позволить себе такое платье.

Подруга Реджины – Лиза, как я выяснила в тот день – в какой-то момент, кажется, поняла это, потому что внезапно дружелюбно улыбнулась мне и попыталась протянуть каталог:

– Тара, может быть, ты тоже хочешь что-то выбрать? Лучше заказывать платье заранее, чтобы его успели сшить по твоим меркам и доставить.

– Спасибо, я воздержусь, – как можно спокойнее ответила я, старательно изображая такую же вежливую улыбку.

– О, прости, я не подумала, – все с тем же наигранным добродушием «огорчилась» Лиза, – наверное, это слишком дорого для тебя?

Сначала я испытала неловкость. Как это ни парадоксально, но мне вдруг стало стыдно за то, что я не могу купить себе такое платье. А потом я разозлилась: почему я должна стыдиться того, что у меня нет большого количества дурных денег? Моя семья никогда не считалась бедной, просто мы не были богачами. Как и подавляющее большинство жителей Республики.

– Не для меня, – возразила я. – Это просто – слишком дорого. Честно говоря, не совсем понимаю, почему эти платья столько стоят. Если они сотканы из золота, то едва ли их удобно носить. А если они из обычной ткани, то такая цена – надувательство.

– Едва ли такие вещи стоит объяснять, – хмыкнула Реджина, на мгновение забывая, что при Алеке она изображает мою подругу. – С этим пониманием нужно родиться.

– Мне вот не удалось с ним родиться, – Алек как всегда оказался готов тут же встать на мою сторону. – Мне кажется, они столько стоят лишь потому, что мы готовы за них столько заплатить. Своего рода перераспределение богатства между людьми. Хочешь, я подарю тебе любое платье из этого каталога? – внезапно предложил он, поворачиваясь ко мне. – Просто так, потому что мне это несложно.

Пожалуй, из всего, что я когда-либо слышала от него, это было самое неприятное. Слишком похоже на благотворительность, о которой я не просила.

– Спасибо, но у меня есть платье для этого бала, – соврала я, чтобы раз и навсегда закрыть этот вопрос.

Не знаю, понял ли Алек, как меня задело его предложение. Наверное, оно было продиктовано лучшими побуждениями, но выдало то, что в глубине души он относится ко мне не лучше остальных: как к какой-то нищенке, прибившейся к богачам, дабы урвать с их стола пару лакомых кусочков. Только остальные меня за это честно презирали, а Алек по доброте душевной готов был мне их бросить.

Лиза и Реджина обменялись выразительными взглядами, явно не поверив мне. Теперь я и сама малодушно захотела, чтобы никто из преподавателей не согласился стать моим наставником. И пусть бы меня отчислили. Зато не пришлось бы проходить через еще один вечер, полный унижений.

Однако в пятницу учебная часть уведомила меня, что моим наставником согласился стать профессор Блэк. Он был одним из тех, кто никак не ответил на мое прошение. Сотрудница учебной части выглядела удивленной.

– Вообще-то, он давно не занимается наставничеством. Но имеет право, а больше никто желания все равно не высказал, – она пожала плечами. – Вам надо будет встречаться с ним раз в неделю, во вторник, в семь вечера. По согласованию с профессором Блэком можете изменить день и время.

Поскольку до вторника профессор Блэк никак не уведомил меня об изменении, я явилась в его кабинет в назначенный день и час, однако тот оказался пуст. Я предположила, что занятие с наставником может проходить и в апартаментах преподавателя, поэтому направилась туда.

Профессор Блэк открыл мне дверь в домашних брюках и халате и удивленно уставился на меня подслеповатыми глазами.

– Чем могу быть полезен, девушка?

– У нас с вами сейчас встреча, – немного растерянно напомнила я.

– Неужели? – он нахмурился. – Да вы проходите, не стойте на пороге. А почему у нас с вами встреча?

– Потому что вы согласились быть моим личным наставником, – сообщила я, проходя за ним в гостиную.

И тут же замерла на пороге, потому что за небольшим чайным столиком в мягком кресле сидел ректор Фарлаг. Теперь кое-что начало проясняться.

– Найт, простите меня, – профессор Блэк виновато развел руками. – Кажется, у меня сегодня занятие со студенткой. Я совершенно забыл об этом… Хотя мне

кажется, я об этом даже не знал… Вы развлеките мою гостью пару минут, пока я переоденусь.

И что-то бормоча себе под нос, он скрылся за дверью, оставив меня наедине с Фарлагом. Тот молча взирал на меня со странным выражением на лице: не будь он моим ректором, я бы назвала это выражение плутоватым.

– Полагаю, я должна поблагодарить вас за содействие, – осторожно сказала я, переминаясь с ноги на ногу у порога, поскольку не знала, куда мне стоит сесть. И стоит ли.

Фарлаг только пожал плечами.

– Я сделал это не ради вас, поэтому можете оставить свои благодарности при себе. Вы пригодитесь мне здесь в следующий мой приступ. Да и профессору Блэку будет приятна ваша компания. Он довольно одинок, и, кроме меня, его никто не развлекает. Наставничество пойдет ему на пользу. Поскольку он слегка не в себе, обычные студенты Лекса к нему не идут, а вам выбирать не приходится.

– Справедливо, – кивнула я. – И очень рада, что я вам ничем не обязана.

– Вам так невыносима мысль быть чем-то мне обязанной? – удивился он. – Вы поэтому не обращаетесь ко мне за помощью?

Я не нашлась, что ответить. Он сверлил меня взглядом, под которым мне было ужасно неуютно, как всегда немного щурясь. В каком-то смысле он был прав, но мне совершенно не хотелось признавать это вслух.

– Я ведь мог бы помочь вам, – добавил он серьезно. – Если бы вы просто задали мне интересующие вас вопросы. Что вам нужно в Лексе?

Это было заманчивое предложение, но что-то во мне вовсю противилось такому варианту. Наверное, дело было в снисходительных нотках тона ректора, которые явно давали понять: он, конечно, готов снизойти до моих проблем, но мне такая милость дорого будет стоить. Поскольку мне уже помогал Алек, и у нас была надежда на воспоминания его отца, я не хотела идти на такую сделку.

– Мне ничего не нужно, сэр, – я очень старалась, чтобы это прозвучало убедительно, но тон получился скорее холодно-отстраненным.

Он несколько секунд молчал, подпирая подбородок рукой и выжидающе разглядывая меня, словно предполагал, что за этими словами последует что-то еще, а потом криво усмехнулся.

– Зря. Когда вам предлагает дружбу самый влиятельный человек в конкретной части Республики, разумно принять ее.

Слова вырвались из меня быстрее, чем я успела подумать, стоит ли их говорить:

– Кажется, именно вы, сэр, сказали, что я не смогу подружиться здесь с кем-либо. Полагаю, особенно глупо с моей стороны было бы пытаться подружиться с ректором. Я не считаю возможной дружбу там, где нет равенства.

Выражение его лица моментально ужесточилось, он стремительно поднялся на ноги и шагнул ко мне, привычным жестом засовывая руки в карманы брюк. Мне потребовалось все мое самообладание, чтобы не отступить назад, когда он оказался на расстоянии вытянутой руки. Чтобы смотреть ему в лицо, мне снова пришлось чуть запрокинуть голову назад.

– Такая гордая, да? – насмешливо поинтересовался Фарлаг. Губы его заметно кривились, но это трудно было назвать даже ухмылкой.

У меня сердце билось так, словно я только что пробежала через весь лесопарк, окружавший Лекс. Приходилось контролировать дыхание, чтобы казаться спокойнее. Реакция моего тела злила меня: чего я так боюсь? Не съест же он меня. И не отчислит, это уже понятно. А что еще он может сделать? Давить на меня своим ростом и сверлить взглядом? Сказать что-то неприятное? Едва ли я не смогу все это пережить.

– Гордость тут ни при чем, сэр, – голос все-таки немного дрожал, когда я заговорила. – Простая осторожность.

– А с Праймом дружишь.

Он умудрился произнести это так, что я все-таки покраснела и отвела взгляд в сторону. Моментально вспомнились слова Дорна: «Что значит «Д» я так и не понимаю, но, кажется, стало ясно, кто такой «А»». А заодно и нечаянно подслушанный разговор Реджины с Лизой на вечеринке Алека. И все эти намеки были во взгляде ректора, а я понимала, что оправдываться – глупо.

– Что ж, это ваш выбор, Роук.

И он просто ушел, не дожидаясь профессора Блэка и не прощаясь.

* * *

Только когда за ним захлопнулась дверь апартаментов, я почувствовала, как дрожат руки и ноги. Я подошла к креслу, в котором ректор только что сидел, и опустилась в него, стараясь выровнять дыхание и успокоить сердцебиение. Почему-то было ужасно неприятно, хотя умом я понимала, что Фарлаг никогда не был обо мне высокого мнения и мне не стоит обращать на это внимания. В конце концов, он с самого начала решил, что я мечу в содержанки, когда я совсем не давала для этого поводов. Сейчас же он просто подгонял факты под это свое первое впечатление. Такое ни на чем не основанное мнение больше говорило о нем, нежели обо мне, но… Мне все равно было неприятно, что он так думает.

– Девочка, с тобой все в порядке? – услышала я над собой взволнованный голос профессора Блэка.

– Да, все прекрасно, – я заставила себя посмотреть на него и улыбнуться.

– Найт ушел?

– Ректор Фарлаг просил с вами попрощаться за него. Он, видимо, спешил.

– Молодежь… – рассмеялся Блэк. – Вы всегда куда-то спешите. Хотите чаю? Кстати, как вас зовут?

– Тара Роук, – на этот раз улыбка получилась вполне естественной. Пожилой профессор вызывал у меня очень даже положительные эмоции, невзирая на то,

что был немного не в себе. – И да, чай – это прекрасная идея.

Не знаю, какими предполагались встречи студентов с личными наставниками, но мои посиделки с профессором Блэком в тот вечер больше походили на дружеское чаепитие. Он расспрашивал меня о моей жизни до Лекса, об учебе в Орте. Иногда одни и те же вопросы задавал по два-три раза, видимо, забывая, что я на них уже отвечала. Меня это не раздражало. Мне было приятно с ним болтать, потому что в отличие от Алека профессор Блэк не снисходил до меня. Мы находились на одном уровне, как и с многими другими преподавателями в Лексе, которые никак не относились ни к аристократии, ни к элите, а просто работали тут. Только некоторые, как профессор Арт, заразились высокомерием от местных снобов, а другие, как профессор Блэк, помнили, кто они сами и откуда.

Поскольку беседа складывалась очень позитивно, я решилась спросить:

– А вы давно тут преподаете?

– Кажется, что всю жизнь, – он хрипло рассмеялся. – Лет тридцать, наверное. Я уже и забыл то время, когда не жил тут. Наверное, если однажды придется покинуть Лекс, то в тот день я и умру.

– Зачем вы так говорите? – попеняла я ему.

– Все, что я любил, осталось здесь, – Блэк грустно вздохнул. – Моя жена и дочь здесь погибли. Здесь и похоронены. Куда же мне теперь отсюда?

– О, простите, я не знала, – мне сразу стало неловко, и я поняла, что расспрашивать дальше про события двадцатилетней давности не получится: взгляд Блэка затуманился, как во время практического занятия, и он впал в прострацию.

– Да… Пожар… До сих пор иногда кажется, что все это приснилось… В один день… Обе…

Он еще что-то бормотал, но я уже не могла разобрать его слова. Я не знала, стоит ли мне уйти или дождаться просветления, поэтому так и замерла в

нерешительности с почти пустой чашкой в руках, чувствуя, как в груди появляется знакомое жжение. Мне было ужасно жаль Блэка, и причины его странного поведения стали гораздо понятнее. Такую потерю нелегко пережить.

– Хотите покажу их вам? Они обе были красавицы!

Он пришел в чувства так же внезапно, как провалился в забытье. И не дожидаясь моего ответа, вскочил с кресла с неожиданной проворностью, прошел к каминной полке и вернулся оттуда с небольшим портретом, на котором были изображены ослепительно красивая женщина и вполне обычная девочка лет десяти. Женщина отчего-то показалась мне смутно знакомой, словно я видела ее в давнем полузабытом сне. Или она напомнила мне кого-то, но я не смогла вспомнить кого. Или это просто была особенность ее лица, что оно казалось смутно знакомым даже тем, кто видел его впервые.

– Действительно, очень красивые, – я улыбнулась профессору Блэку.

– Да, мы готовились к балу. Я был в Аларии: забирал платье для дочки и заодно решал кое-какие дела. Я отсутствовал всего одну ночь… Дочка так и не увидела платье, которое я купил… Хотите я вам его покажу?

Я не хотела, но не осмелилась это сказать, когда Блэк поманил меня за собой в ту дверь, за которой исчезал раньше, чтобы переодеться.

Платье висело в его шкафу, в чехле. Удивительно красивое и по размеру совсем не на десятилетнюю девочку, скорее на взрослую девушку. Оно казалось сотканным из тончайших серебряных нитей и в нескольких местах переливалось блеском страз, подозрительно похожих на настоящие мелкие бриллианты.

– Я хотел, чтобы на балу моя дочь выглядела не хуже местных студентов, раз уж ей разрешили присутствовать, – гордо пояснил Блэк, заметив удивление и восхищение на моем лице. – И потом рука не поднялась ни сдать платье обратно, ни выбросить его. Все ждал, что она… – он горестно вздохнул и осекся.

Но я поняла, что он хотел сказать. Когда я вернулась на неделю домой, узнав о смерти мамы, я каждую минуту ждала, что она вдруг войдет в комнату или окажется в той, куда я шла. Умом я понимала, что это невозможно, но сердце не желало это признавать.

– Примерьте его, – вдруг предложил Блэк, когда я сама, подобно ему, впала в прострацию, погрузившись в воспоминания.

– Что? Нет… Это как-то… Я не могу…

– Пожалуйста, – он посмотрел на меня с улыбкой, которой я не могла отказать. – Мне кажется, у вас с моей дочерью похожие фигуры.

И он вручил мне платье, а сам вышел.

Несколько секунд я стояла посреди его спальни в полной растерянности. Конечно, меня тянуло примерить платье. Что бы я ни говорила Реджине и Лизе, я любила красивую одежду. Обновки появлялись у меня нечасто, а в магазин, в котором могло бы продаваться такое платье, я никогда не рискнула бы даже войти, но это не значит, что я не замирала у блестящих витрин, когда мы с мамой оказывались в столице.

Но примерять платье погибшей девушки? Это было странно, если не сказать жутко. И тот факт, что она его даже увидеть не успела, мало что менял.

И все же я решилась, убедив себя, что просто хочу сделать приятное одинокому старику.

Платье мне подошло. Не скажу, что легло, словно на меня шилось, но крой у него был такой, что небольшое несовпадение размеров едва ли можно было заметить со стороны. Длинный рукав, расклешенный книзу, и должен был частично закрывать ладонь. На плечах платье держалось уверенно, скромный вырез спереди и глубокий – сзади легли на свои места. Платье оказалось немного свободным мне в талии и бедрах, но это выглядело вполне приемлемо. От колен подол расширялся и опускался на пол небольшим шлейфом. Потребовались бы туфли на достаточно высоком каблуке, чтобы не наступать на него.

– Вы просто красавица, – заявил Блэк, появляясь на пороге комнаты.

То ли я потеряла счет времени, разглядывая себя в большое зеркало, то ли он так удачно подгадал, когда следует вернуться. Он подошел ко мне сзади и сжал

руками мои плечи. В отражении я видела, что его глаза полны слез.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/letnyaya_lena/proklyatyy-rektor

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить